Э. Э. Понтович.

ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ.

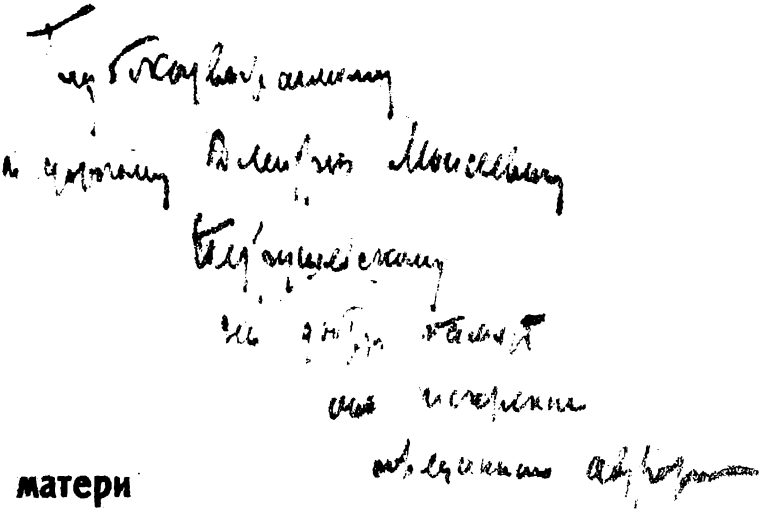
ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ ЭТЮДЫ.

[4-5]

Отдельный оттиск из „Известий Иваново-Вознесенского Политехнического Института“, №№ 1, 2, 3.

I. Реализм в юриспруденции.
II. Факт и право.
III. Право в об'ективном и суб'ективном смысле.
IV. Понятие государства.
V. Власть.

ПЕТРОГРАД
4-я Государственная типография. Фонтанка, 57.
1921.



Моей матери

Елизавете Эдуардовне

Понтович.

Р. В. Ц. Напечатано 500 экз.

Из к- экции
В. Э. Грабаря

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Выпускаемые ныне отдельной книгой этюды писались как пролегомены к дальнейшим моим работам по вопросам теории права и государства. Этюды под общим заглавием „Проблема государственной власти" написаны в 1919 году, и не по вине автора предисловие к ним пишется лишь два года спустя, когда воззрения пишущего могли бы быть развиты уже в более систематической форме и когда у автора есть совершенно определенное желание изложить иначе многое из того, что здесь сказано.

Полагаю, однако, что выпуск в свет моей работы и в нынешнем ее виде едва ли нуждается, при существующих, по крайней мере, условиях, в особом оправдании. Книги, посвященные вопросам о сущности права и государства, редкие теперь гости на рынке, и это позволяет им появляться в самом даже скромном наряде.

В некоторых отношениях от исследования указанного круга проблем ныне требуется, впрочем, больше, чем когда-либо прежде. Едва ли возможно оспаривать то значение, которое приобрели эти проблемы именно теперь. Тот, кто ставит их в печати, должен поэтому добиться принципиальной ясности и остроты постановки. Тот, кто пытается так или иначе разрешать их, должен отдать на это весь запас присущей ему искренности в стремлении подойти ближе к истине. Автору кажется, что против этих требований он в работе своей не грешит. Сознание своей ответственности во всяком случае непрерывно тяготело надо мною. Оно влечет меня к новым и, как представляется,— более углубленным и на более широком основании построенным исследованиям, путь которым я и преложил себе печатаемыми ниже этюдами.

Русская наука о праве находится ныне в условиях, в которых, может быть, наука права не находилась никогда. И ряды наших ученых юристов непрерывно редеют с потрясающей при том быстротой. Мы не досчитываемся уже большинства ответственных руководителей правовой мысли нашего поколения. И. А. Покровский, В. М. Гессен, Б. А. Кистяковский, Ф. Ф. Кокошкин, М. А. Дьяконов погибли безвременно в течение первых трех лет революции; месяц тому назад мы узнали о трагической смерти Н. И. Лазаревского.

Наша молодая наука права оказывается, таким образом, надолго и весьма серьезно обезглавленной. Это ставит ее перед опасностью гибели, что в свою очередь, должно весьма тяжко отозваться на национальном правосознании. Уйти от такой опасности можно, однако, только одним путем. Те, кто способен вести хотя бы самую скромную на ниве русского правосознания работу, должны вести ее, хотя бы они и ясно чувствовали слабость своих сил по сравнению с огромностью стоящей перед ними задачи.

Мне представляется во всяком случае очевидным, что вопрос о существовании в России науки права есть вместе с тем вопрос о том, где же тот кузнец, который выкует строгие формы русского национального бытия.

Автор.

Петроград,
1 Октября 1921 г.

Проблема государственной власти.

Философско-правовые этюды

Э. Э. ПОНТОВИЧА.

IV.

Понятие государства.

§ 1.

Проблема о «существе государства» и об «юридической его природе».

Современный исследователь проблемы о государстве должен раньше всего считаться с тем, что все новейшие на государство воззрения носят на себе совершенно определенную печать идей *Иеллинека*. Главная методологическая идея покойного гейдельбергского государствоведа лежит, во всяком случае, в основе всех современных по данному вопросу учений. Государство представляется *социальным явлением* с одной стороны и — *юридическим институтом*—с другой [1]). Это именно положение и составляет исходный пункт господствующих в настоящее время на государство воззрений, выражая собою вместе с тем тот итог, к которому должна была придти позитивно-правовая мысль XIX столетия. Положение, что государство есть прежде всего некое социальное явление, дает современной теории возможность утверждать о господстве фактического над правовым. Положение же, что государство есть одновременно правовой институт, составляет, с другой стороны, предположение, необходимое для признания возможности существования в государстве права, возможности, другими словами, государственного права. Таким образом и образовался тот компромисс между фактическим и юридическим моментами в государствоведении, который делает из него лишь наполовину юридическую, а в остальной части—социологическую науку [2]).

---

[1]) См. выше: 1—реализм в юриспруденции, стр. 20 и сл.

[2]) Из позднейших теоретиков самостоятельную позицию пытается занять H. Kelsen. Hauptprobleme der Staatsrechtslehre, 1911. Оригинальность названного автора сводится, однако, лишь к тому, что он отказывается от исследования всякого явления, которое представляется ему не правовым, но социальным. Так, по мнению Кельсена, процесс издания закона «не есть государственный акт», действие государства. Это—«действие не государственное, но социальное» (ibid. S. 98).

При этом традиционно считается, что, изучая государство, как социальное явление, мы познаем его «*существо*», тогда как *юридическая его природа*—государство, как правовой институт,—может быть определяема независимо от первой, теоретической, задачи,—ради одних лишь юридико-технических целей [1]).

Учение о государственном праве не может тем не менее не устремлять главных своих усилий на разрешение «технического» вопроса о «юридической природе государства», ибо лишь установив *правовое понятие государства* возможно войти в круг государственно-правовых проблем. Отсюда то значение, которое приобрел в нашей науке вопрос о том, есть ли государство *правовой субъект* («*личность*»), или оно должно быть признано *объектом права*, или, наконец, *юридическим отношением*.

Постановка особого вопроса об «юридической природе государства» теснейшим образом связана с воззрением на государство, как на некоего двуликого Януса, с некритическим представлением о том, что «социальное» существует прежде «правового». Вместе с тем, однако, как «социальное», так и «правовое» понятие государства одинаково мало определяют собою

Различие этих двух порядков по Кельсену в том, что социальное «ist blos die Tatsache, dass er in der Rechtsordnung als Voraussetzung dafür fixirt ist, was als Recht zu gelten hat». Беда названного автора заключается в том, что он исказил весь смысл противопоставления должного сущему. Противопоставление это означает, в самом деле, не противоположение одного бытия другому, а противоположение долженствования и необходимости. См. об этом Б. А. Кистяковский, Социальные науки и право, стр. 302—303. О Кельсене см. Н. И. Палиенко, «Журнал Министерства Юстиц.» 1912 г., №№ 2—3.

Французский административист Ориу говорит о государстве, как о режиме политических, экономических и юридических фактов. См. M. Hauriou. Principes de droit public, 12 me éd., 1916, p. IX. «L'objet de notre étude est le régime d'Etat autant que l'Etat, c'est à dire un regime à la fois politique, économique et juridique, qui s'empare d'une nation, la métamorfose, lui impose une forme déterminée et devient le milieu d'existance des individus» (курс. наш). Ориу определяет государство, как учреждение, институт—«l'institution qui sur un territoire donné assure a une population sphere complète d'existence commune». (Срв. Précis de droit administratif, 1907, p. 38). Идея института заключает, однако, у Ориу и социальные и правовые моменты. Институт, будучи правовым состоянием (état de droit), больше того — источником прав (source du droit,—ibid, p. 17), есть не что иное, как социальная организация. Институт, говорит Ориу, «c'est une organisation sociale, etablie en relation avec l'ordre général des choses, dont la permenence est assurée par un equilibre de forces ou par une séparation des pouvoirs, et qui consiste par elle-même un état de droit (état per se)». См. ibid, p. 8. Срв. Principes, p. III, «une institution corporative est une organisation sociale objective qui a réalisé en elle l'état le plus haut, c'est-à-dire qui posséde à la fois la souveraineté du pouvoir, l'organisation constitutionnelle du pouvoir avec statut et l'autonomie juridique».

[1]) См. особенно С. А. Котляревский—Власть и право, стр. 7: «Для современного исследователя юридическая конструкция вообще имеет всегда лишь служебное значение, она есть удобнейший способ юридически мыслить известные факты, а вовсе не утверждение относительно этих фактов чего-либо по существу».

сущность рассматриваемого предмета, порождают, если выразиться в терминологии *Канта*, в лучшем случае аналитические, но никак не синтетические о нем суждения.

§ 2.

Господствующие в науке приемы построения «социального» понятия о государстве.

«Социальное понятие о государстве» или, как проще выражаются некоторые—«понятие о государстве» (в отличие от вопроса об «юридической» природе государства) строится в нашей науке тем же способом, какой традиционно применялся ею для определения понятия о праве [1]). Еще *Блюнчли*, приступая к разрешению проблемы о существе государства, писал: «Если мы станем *обозревать* (überblicken, курс. наш) большое количество государств, какое история проводит перед нашими глазами, то некоторые отдельные общие признаки всех государств будут для нас тотчас же очевидны, тогда как другие могут быть выяснены лишь после ближайшего изучения [2])».

Блюнчли представляется, в частности, совершенно ясным, что в каждом государстве об'единяется *масса людей*: без *народа* нет государства. Необходимым, далее, признаком государства является, как указывает упомянутый писатель, и известное *длящееся отношение народа к земле*: государство предполагает *территорию*, народ может жить лишь *в стране*. Различие между *правящими и управляемыми*, составляет, по *Блюнчли*, дальнейший признак, характеризующий государство; без *верховенства и подчинения* государства во всяком случае нет. «Основательное изучение явления государства» наводит, затем, *Блюнчли* на мысль, что государство — *органическое существо*. В каждом государстве, говорит он, наблюдается разнообразная публичная деятельность, существуют должности, учреждения, являющиеся его *органами* при выполнении разнообразных государственных *функций*. Будучи органическим существом, государство является *личностью*, но личностью не «частною», а «публичною» (öffentliche Person) [3]). В результате *Блюнчли* дает нам следующее определение государства: *государство есть общение людей, связанных, в форме подчинения одних другим, в единую нравственно-органическую личность* [4]).

Итак, «наблюдение» над государствами, «обозрение» разнообразных, «данных нам историей», государств, приводит *к понятию о государстве, как нравственно-органической личности!* «Углубленное исследование», следующее за положительным наблюдением, приходит к столь как будто не очевидному для нашего восприятия, совершенно метафизическому выводу.

---

[1]) См. выше: III—«Право в об'ективном и суб'ективном смысле», § 1.

[2]) Bluntschli, Allgemeines Staatsrecht, B. I, 2 Aufl., 1857, s. 30.

[3]) Ybid, s. 33.

[4]) «Der Staat ist eine Gesammtheit von Menschen, in der Form von Regierung und Regierten, auf einem bestimmten Gebiete verbundenen zu einer sittlich organischen Persönlichkeit» (ibid. s. 36).

Приемы, которыми пользовался для определения понятия государства *Блюнчли*, являются, однако, далеко не чуждыми научным вкусам большинства позднейших писателей. Исследование *средних эмпирических* типов желает положить в основу познания государства глава новейшего государствоведения Георг *Иеллинек* [1]). Стараясь, именно, с этой стороны подойти к установлению существа государства, *Иеллинек* стремится познать его как *физическую и психическую реальность* [2]).

Конечные об'ективные элементы этой реальности суть социальные отношения или, точнее, определенные одновременные и следующие друг за другом действия, проявляющиеся в составе этих отношений [3]). Государство состоит, таким образом, *в отношениях воль* множества людей [4]) а, ближе, — в отношениях воль властвующих и подвластных, при чем „наблюдение показывает, что существует столько отношений властвования, сколько имеется, индивидов» [5]). Все эти данные мы получаем из „наблюдения над фактами, имеющими «как физическую, так и психическую» реальность". Отсюда, однако, еще далеко до определения того, что называется государством: «столько отношений властвования, сколько имеется индивидов» не есть государство. Последнее имеется на лицо лишь в том случае, если множество таких отношений *превращено в единство*. Каким же, однако, образом соответствующее единство может быть создано?

Прошедший школу критической философии Георг *Иеллинек* не мог подобно Иоганну Каспару *Блюнчли* или *Молю* [6]), в об'яснении существа государственного единства ограничиться утверждением о государстве, как некоем организме. *Иеллинек* определенно устанавливает, что государственное единство, как и всякое иное, создается лишь вместе с нахождением «об'единяющего принципа», что *проблема государственного единства* есть не что иное, как проблема *систематики* известного круга явлений [7]). *Государственное единство* есть, по *Иеллинеку*, как мы уже знаем [8]), *единство телеологическое*, а, ближе — единство *союзное*. Характерным его признаком является отграниченность известной частью земной поверхности, а также — верховенство властвования [9]). Принадлежащая этому единству власть есть власть *первичная, которая юридически не может быть выводима из какой бы то ни было другой силы*. Отсюда—и определение: *государство*

---

[1]) См. его «Общее учение о государстве», 1905, стр. 25—31.

[2]) Там же, стр. 98.

[3]) Стр. 126.

[4]) Стр. 127.

[5]) Стр. 128.

[6]) R. v. Mohl, Encyklopädie der Staatiwissenschaften, 1859, s. 32.

[7]) Цит. соч., стр. 128: «...в основу каждого единства должен быть положен какой-либо об'единяющий принцип».

[8]) См. выше: 1—«Реализм в юриспруденции», § 4.

[9]) Цит. соч., стр. 130.

есть обладающее первичной господствующей властью союзное единство оседлых людей [1]).

Пусть это определение правильно. Спрашивается, однако, что сталось с первоначальным методологическим заданием *Иеллинека*, с его попыткой исследовать эмпирические, средние типы? И в каком отношении установление этих типов может быть полезным для определения понятия государства, коль скоро проблема государственного единства есть *проблема систематики?* Но и здесь наши сомнения не кончаются. Если проблема государственного единства есть систематическая проблема, если наблюдение, «обозрение», обращенное на явление государства, кончается лишь установлением «конечных об'ективных его элементов». то спрашивается, можно ли отделить получаемое таким путем понятие от понятия юридического? Ведь, к тому же, нельзя не заметить, что сам *Иеллинек* в свое социальное понятие вводит expressis verbis правовой признак. Он говорит о первичной власти, т. е. о власти, которая «*юридически* не может быть выводима из какой бы то ни было другой силы», как о необходимом признаке государства. Без власти, как правового института, следовательно, государство не мыслимо. Но если так, то каким же образом возможно государство, «как социальное явление», изолировать от государства, «как правового института»? Очевидно, что социологическое построение *Георга Иеллинека* имеет и не может не иметь определенно правового характера.

Аналогичный характер имеют и все другие попытки современного государствоведения, направленные на определение существа государства. То положение, что государство принадлежит к сфере т. н. „практическаго разума“ оказалось основательно забытым в новейшей позитивной науке. Над нею тяготеет либо методологическая упрощенность, указывающая порою на полное неведение существа самой проблемы (*Гумплович* и др), либо методологическая запутанность, так характерная для *Иеллинека* и его школы [2]).

Ближайшему исследованию проблемы должно, однако, предшествовать рассмотрение имеющихся в науке правовых о государстве понятий. В их числе мы должны будем ознакомиться и с понятием, построенным вне разграничения социологической и юридической точек зрения при определении существа государства.

§ 3.

Первоначальные попытки построения понятия государства, как правового института.

Всякую теорию, которая обязанность повиновения государству выводит из создаваемого для того о государстве понятия, мы считаем правовой тео-

---

[1]) Там же, стр. 131.

[2]) Типичны замечания Г. Аншютца: «Der Erscheinungen Flucht überblickend, findet der Betrachter unschwer eine Reihe gemeinsamer typischer wiederkehrender Merkmale. Dieze Merkmale sind die Elemente des Staatsbegriffes». См. G. Anschütz, Deutsches Staatsrecht, I. Kohlers, Encyklopädie der Rechtsrvissenschaft, B. IV, 1914, s. 5.

рией, а построемое ею понятие государства — понятием правовым, независимо от того, как квалифицирует это понятие тот, кто его создает. Каждое такое понятие о государстве имеет своею целью *оправдание* известных фактов общественной жизни, т. е. как раз то, что составляет функцию правовых понятий [1]). Для того, однако, чтобы возникла потребность в построении понятия государства в указанном смысле, необходима наличность намерения обосновать подчинение одного человека другому на основе некоего *общего начала*. Только в последнем случае возникает перед нами проблема о государстве в собственном смысле слова.

Однако идея *государственной власти* в этом смысле долго не может найти своего совершенно ясного выражения. Прежде установления понятия государства, как такового, оно смешивается с различными формами его устройства, обосновывается, следовательно, на недостаточно широком начале, и лишь XIX век приносит совершенно ясное различение идеи государства от конкретных форм его устройства. Лишь в XIX веке достигается расчленение права *государства* от полномочий *монарха*, *народа* etc.

Правда, уже в XVI веке выступает *Макиавелли*, — гениальный энтузиаст государственности. Он не ищет, однако, *правовых форм*, *правового обоснования* для воодушевляющих его стремлений. Не о государственных учреждениях, но о тех средствах, с помощью которых они устанавливаются и сохраняются и, прежде всего, *о государственных переворотах* должен был думать *Макиавелли* [2]). Едва ли не впервые устанавливая деление государственных форм на монархии и республики, автор «Il principe» интересуется, однако, ими лишь с точки зрения *прочности* создаваемой власти. Именно поэтому *Макиавелли* и разграничивает монархии наследственные и вновь возникающие, различая затем среди последних те, что образуются самостоятельно или входят в качестве составной части в монархию наследственную, будучи ею приобретаемы. Вновь приобретаемые страны *Макиавелли* делит, далее, на такие, которые до присоединения *управлялись своими государями* и такие, обитатели которых *были прежде свободны*, наконец, *по способу приобретения* — на приобретенные *силою оружия и мирным путем*. Изучая монархии с указанной точки зрения в своем «Князе», Макиавелли с этой же стороны рассматривает республики в «Рассуждении на декады Т. Ливия». Словом, теоретическая проблема о государстве и государственной власти не была поставлена флорентийским секретарем.

---

[1]) См. выше: III—«Право в об'ективном и суб'ективном смысле», § 1.

[2]) Это отмечает А. С. Алексеев, Макиавелли как политический мыслитель, 1880 г., стр. 209. Ср. Otto Gierke, Iohannes Althusius und die Entwicklung der naturrechtlichen Staatstheorien, 2-te Ausg, 1902, s. 151: «Und von den politischen Schriftstellern arbeitete freilich Machiavelli der Steigerung des souveränitätsbegriffs in unberechenbaren Masse vor: allein die theoretische Konstruktion der Staatsgewalt wurde von ihm direckt nicht berührt und blieb im Uebrigen zunächst auf dem Boden der Aristotelischen Lehre stehen».

В иных условиях жил и писал другой крупный политический писатель, *Жан Боден*, который, к тому же, в отличие от автора «Князя», и по личным своим склонностям был скорей теоретиком [1]). От *Бодена* осталось определение государства, как «правовой организации многих семейств и общего им имущества под верховною властью [2]). В этом определении мы впервые встречаем указание—правда, не совсем еще точное—на присущие понятию государства три элемента: население (хотя и состоящее еще в совокупности «семейств», но все же *население*, а не совокупность сословий) власть, территорию (лишь косвенно: общее всех семей имущество). Более того, *Боден* сумел поставить проблему о государстве, как правовую проблему. Государство есть для него «*право управления*» массой людей,—«un droit gouvernement». Сознавая все значение государства именно как правового института, *Боден* старается прежде всего провести различие между государственной властью и властью шайки разбойников [3]). Когда, однако, *Боден* приступает к ближайшему определению существа государственной власти, то он не удерживается на первоначально намеченном пути.

Существо государственной власти заключается, по *Бодену*, в суверенитете. Суверенитет (majestas) est summa in cives ac subditos legibusque soluta potestas [4]). В верховенстве и несвязанности законами заключается,

---

[1]) H. Bodrillart в своей известной монографии (J. Bodin et son temps, 1853) утверждает, что Боден является основателем политики, как положительной науки, что именно он—непосредственный предшественник Монтескье. Кажется, однако, что этим значительно умаляются заслуги Макиавелли. См. Алексеев, ук. соч., стр. 219, по мнению которого именно Макиавелли «первый из писателей нового времени применил к изучению государственной жизни положительную методу».

[2]) См. Iohanni Bodini de republica libri sex, 1586, lib. I, cap 1: «Republica est familiarum rerumque inter ipsas communium summa potestate ac ratione moderata multitudo». Во французском издании (Les six livres de la republique) то же определение выражено, как нам кажется, лучше: «Republique est un droit gouvernement de plusieurs mesnages, et de ce qui leur est commun, avec puissance souveraine». В дальнейшем мы будем цитировать Бодена по французскому изданию 1608 г. О французской и латинской терминологии Бодена см. указания F. Hanke, Bodin, 1894, s. 1 ff.

[3]) Livre 1, chap. 1, page 2: «Nous avons dit en premier lieu, droit gouvernement, pour la difference quil y a entre le Republique, et les troupes des voleurs et pirates, avec lesquels on ne doit avoir pari, ny commerce, ny alliance, comme il a toujour esté gardé en toute Republique bien ordonné».

[4]) Ibid, chap. VIII, как отмечает M. Landmann, Der Souveränetätsbegriff bei den französischen theoretikern, 1898, s. 42, «in dieser Definition fehlt ein essentielles Merkmal, welches Bodin weiter unten hinzufügt: «Majestas vero... nec tempore definitur». Die Souveränetät ist somit für Bodin: die höchste, dauernde, von den Gesetzen entbundene Gewalt über die Unterthanen». Ср. с этим Hanke, op. cit., s. 9, по мнению которого к числу определений суверенитета следует, по Бодену, отнести еще признак «собственности» на власть—власти по собственному праву». Возражения Ландманна см. ук. соч., стр. 65 и сл. Догматическому изучению доктрины Бодена посвящены, затем, монографии A. Dock, Der Souveränetätsbegriff von

следовательно, существо государственной власти. С этого момента и начинаются ошибки Бодена. Установив определение суверенной государственной власти, он пытается провести отличие, оказавшее роковое влияние на развитие науки в дальнейшем. Задачу обоснования власти из некоего общего начала *Боден* подменяет определением ее в понятии суверенитета. Установив определение государственной власти, *Боден* пытается провести отличие ее от диктатуры [1]) и вместе с тем идея *государственной власти*, как совокупности полномочий законной власти вообще, подменяется идеей полномочий определенного вида (монарха или народа), т. е. идеей определенной формы государственного устройства. Как правильно замечает *Блюнчли*, *Боден* «в такой степени отождествляет силу и власть *целого государства*... с силою и властью верховного государственного органа, которая называется у него суверенитетом, что первая незаметно для него исчезает совершенно и остается только последняя» [2]).

Лишь в XVII и XVIII столетии, в эпоху революционных бурь и возраставшего значения идеи личности, свободы и равенства индивидов, пробивает себе дорогу стремление к обоснованию власти на основе того или иного общего принципа. В этот именно период времени пытаются искать *оправдания* власти *в идее общности*. От природы свободный, индивид не может и не должен подчиняться любой, фактически существующей, власти. *Лишь власть, построенная на общем всех свободных и равных людей единении*, может быть признана правомерной, законною, властью.

Но мысль о такой общности, в виду огромного практического ее значения, *требует для ясного своего выражения особого образа*, который представил бы эту идею *единства многих* во всей ее конкретности. Наиболее пригодным для того представлением является представление о человеческой *личности*. Уже у *Гуго Гроция* находим мы утверждение о государстве, как *общественной личности* (le sujet commun), *в которой пребывает суверенитет* [3]). Народ, образующий государство, является, по

Bodin bis zu Friedrich den Grossen, 1897. В. М. Гессен, «Проблема народного суверенитета в политической доктрине XVI века», 1913 (отд. оттиск из «Известий С.-Петерб. Политехнич. Института Имп. Петра Вел.», 1913 г., т. XX), стр. 247 и сл. См. также Н. И. Палиенко, «Суверенитет», 1903 г., стр. 80 и сл. Превосходное и едва ли не исчерпывающее исследование значения доктрины Бодена см. в Общем учении о государстве Иеллинека, стр. 331 и сл.

[1]) Livre 1 chap. VIII, p. 124.

[2]) История общего государственного права и политики от XVI века, перев. О. Бакста и М. Новосельского, 1874, стр. 22. Благодаря этому смешению Боден приходит к отрицанию т. н. смешанного образа правления. См. замечания O. Gierke, op. cit, s. 151. Непосредственное влияние идей Бодена можно проследить во всей французской публицистике старого режима. См. из наиболее видных M. Domat, Les loix civiles dans leur ordre naturel, Paris, 1738, t. II, sect. 2, titre 2.

[3]) Hugo Grotius. De iure belli ac pacis, цит. по французскому изд. 1724 г., перев. Barbeyrac'a (Le droit de la guerre et de la paix), Liv. I ch. III, § VII, 3,

Гроцию, совершенным телом, моральным телом [1]). *Гроций* интересуется при этом, однако, по преимуществу международно-правовой способностью того или другого народа. Именно с этой точки зрения он и разграничивает «тела» совершенные и несовершенные, моральные и неморальные.

Решительный шаг вперед делает в дальнейшем развитии политической мысли *Томас Гоббс*. Последний занят обоснованием именно *государственной власти*, почему государство и представляется ему *«гражданским лицом»*. Когда воля всех едина, пишет *Гоббс*, она должна считаться волей одного лица и под этим единым именем она должна быть различаема от всех воль частных лиц и рассматриваема, как имеющая собственные права и имущество [2]). Никто из граждан в отдельности, а равно и все они вместе (если исключить того, чья воля считается волею всех) не могут рассматриваться как государство, утверждает *Гоббс*. Отсюда вытекает и даваемое им определение государства, как *единого лица, воля которого, в силу соглашения многих людей, считается за волю их всех*...

Яснее, чем у кого-либо другого из писателей того времени, выдвигается у *Гоббса* значение понятия государства, как общности, как личности. Этим обозначением британский философ имел в виду подчеркнуть *формальную раздельность власти государственной от власти вообще*. Идея государства—личности является, таким образом, неразрывно связанной с *идеей власти государства, как некоего целого*, независимо от того, чья конкретная, «чувственно-эмпирическая», воля рассматривается в тот или иной момент «за волю всех». Идея государства-личности есть, другими словами, идея *государственной власти, как формальном единстве*, построенном вместе с тем на основе подчинения *правовой идее*. Лишь в том случае, если мы утверждаем *о праве*, т. е. подчиняем массовое поведение согласованным между собою принципам, можно говорить о власти целого, государства, в противоположность конкретным выражениям господства одного человека над другим. *Гоббс* и проводит разграничение между «волей кого-либо из граждан» и того гражданина, «чья воля считается волею всех», между волей «всех граждан вместе» и «волей единого лица, которое в силу соглашения многих считается за волю их всех». То же *начало общности, единения воль*, в качестве начала, положенного в основу обоснования власти, встречаем мы и у других писателей того времени. С этим связано и то значение, которое в механистической доктрине приобрела *идея договора*. Но и идея *личности*, единого *тела*, как *образ*, изображающий создаваемую общность, также встречается у большинства писателей той эпохи. О государстве, как «моральном лице» говорит *Пуфендорф* [3]), как о личности юридической (persona civilis)

стр. 120 и сл.: «Le sujet commun, dans lequel reside la souveraineté, c'est l'Etat, que nous avons defini ci-dessus un corps parfait» (курс. наш).

[1]) Ibid, Livre I, ch. III, § VIII, 4.

[2]) De cive, V, 9. Цитировано по переводу Погоского, 1914 г., стр. 73.

[3]) Le droit de la nature et des gens (trad. par Barbeyrac), 1734, t. II, l. VI ch. II, § VI, p. 285 et suiv.

пишет о нем *Лейбниц* [1]), «политическим телом» называет государство *Локк* [2]). Ту же идею встречаем мы впоследствии и у *Руссо*, для которого государство—*публичная личность* (personne publique), образующаяся из соединения других личностей [3]). Рассматриваемая в ее *активном* состоянии, эта личность является *суверенной*, обладающей, другими словами, *общею волей* [4]) (volonté générale), отличной от совокупности частных воль отдельных индивидов.

Итак, вместе со стремлением отделить понятие о государственной власти от понятия о властях, существующих в том или ином государстве, возникает стремление к образованию понятия о государстве, как *едином целом*, как общности, обладающей *волею*. Это единое целое уже в XVII веке именуется *лицом*, *моральной личностью*, *публичным телом*. Зародившаяся таким образом доктрина о государстве, как личности, получает усиленное развитие уже в XIX столетии. Здесь она приобретает, однако, совершенно иное значение. Общность рассматривается, как нечто, оторванное от индивида,— самодовлеющее.

В политической философии XIX века понятие о государстве, как личности, приобретает, таким образом, иную постановку и вместе с тем становится центральной проблемой. *Развитие государственно-правовой мысли истекшего столетия есть в значительной мере развитие идеи о государстве, как личности.*

§ 4.

Идея о государстве—личности в XIX столетии.

Истекшее столетие было, несомненно, периодом, когда идея государства, как самодавлеющей ценности, была поднята на максимально мыслимую высоту. Государство возвышается в этот период до степени признания за ним

---

[1]) Leibnitz's deutsche Schriften, I, 88.

[2]) Two treatises on civil government, II, ch. VIII, 96.

[3]) Du contrat social, livre I, ch. VI: «Cette personne publique, qui ce formé ainsi par l'union de toutes les autres, prenait autrefois le nom de cité, et prend maintenant celui de republique ou de corps politique, lequel est appelé par ses membre état quand il est passif, souverain quand il est actif, puissance en le comparant à ses semblables».

[4]) Ibid. ch. VII. См. также первоначальный текст du contrat social, напечатан в приложении к книге А. С. Алексеева—«Связь политической доктрины Руссо с государственным бытом Женевы, 1887 г., стр. XXIII и сл.: «Il y a donc dans l'Etat une force commune qui le soutient, une volonté général, qui dirige cette force et c'est l'application de l'une à l'autre, qui constitue la souveraineté. Par on lo voit que le souverain n'est par sa nature q'une personne morale, qu'il n'a q'une existence abstraite et collective»... Эта мысль нашла себе выражение и в окончательном тексте. См. ch VII. (Oeuvres complètes chez Dupont, t. V, p. 82)... et regardant la personne morale qui constitue l'etat comme un être de raison, parce que le n'est pas un homme il joujrait des droits du citoyen sans vouloir remplir les devoirs du sujet, injustice dont le progrés causerait la ruine du corps politique».

качества самоцели,—личности, провозглашается таким единством, которое стоит выше и существует раньше своих частей,—индивидов.

Прежде чем приступать к рассмотрению и оценке соответствующих теорий, необходимо иметь в виду, что в основе каждой доктрины, утверждающей за каким-либо общественным образованием качество личности, самоцели, не может не лежать то или иное *воззрение на характер процесса образования этого явления*. Построение идеи общности, государства, как личности, существеннейшим образом зависит от того, какой характер имеет принятая в основу идея исторического процесса, истории, идея развития. Нельзя, в самом деле, не признать, что государство (или другой род общения) может быть принято за личность, за самоцель, лишь в том случае, если оно рассматривается не как образование просто, но как некое, по крайней мере в идее, *совершенное образование*. Но всякое достигнутое совершенство предполагает предыдущую деятельность, и при том деятельность эта, с точки зрения указанного типа теорий, не может быть рассматриваема как деятельность вне самого образования стоящей силы, ибо в таком случае мы пришли бы к утверждению о государстве, как порождении человека, его индивидуальной воли, возратились бы к механической теории. Очевидно, что для теории, стремящейся к обоснованию идеи о государстве как самоцели, необходимо предполагать деятельность, приводящую к возникновению данного, совершенного, образования, в виде процесса, происходящего в самом этом образовани, предполагать его *самодеятельность, развитие*. Именно поэтому идея о государстве—личности в указанном смысле слова может возникнуть лишь на основе философской доктрины, овладевшей идеей развития, идеей истории тож. Идея о государстве-личности является, следовательно, глубоко исторической доктриной.

Но идее развития была дана в первой четверти XIX века двоякая формулировка. Одна принадлежала *Шеллингу*, другая—*Гегелю*.

Отрицавший правильность противоположения природы и духа *Шеллинг* искал об'единения (в высшем единстве) „подлинной противоположности", существующей между необходимостью и свободой [1]). В поисках за этим об'единением он распространил на явления духовной жизни законы развития, усмотренные им в природе. Соответственно, и государство являлось для него не продуктом человеческого произвола, но отражением божественной идеи. Государство, по *Шеллингу*, не создается отдельными людьми, но *возникает и развивается. Об'ективным организмом свободы* представлялось *Шеллингу* государство [2]).

Идею *конкретной наличности определенного народного духа*, бытие которого, отнюдь не составляющее фикции, есть *тождество всеобщего самосознания и всеобщей воли* устанавливает *Гегель*. Для него государство есть

---

[1]) См. Шеллинг. Философские исследования о сущности человеческой свободы, русск. пер., изд. Жуковского, 1908 г., стр. 3.

[2]) Schelling, Vorlesungen über die Methode des akademischen Studiums, 1802, s. 306 ff.

ни что иное, как жизненная форма единой субстанции народнаго духа. Содержащий в себе тождество самосознания и воли народный дух развивается уже не безмятежно-органически, *но через борьбу, через противоположности,— диалектически* [1]). Таково было второе решение промблемы развития.

Два различных решения проблемы развития служат источником и двух различных политических доктрин, одинаково, однако, устремленных к одной цели,—к обоснованию государства, как личности, самоцели.

Из натур-философии *Шеллинга*, как из своего первоисточника, вытекает так называемая *органическая* о государстве теория, которая позднее воспринимает в себя дарвинистические течения.

Из диалектического идеализма *Гегеля*, как из своего первоисточника, берет начало доктрина, которая впоследствии выливается в учение *о государстве, как юридической личности* [2]).

А. Органическая теория государства.

Органическая теория сделала столь близкое философии *Шеллинга* и *Гегеля* понятие *единства* центральным в своих определениях: „Единством права, силы и господства в человеческом обществе" представлялось государство *Аренсу* [3]). Как „органическое, из своих частей созданное, но тем не менее от суммы их отличное существо" определял государство H. A. Zacharia [4]). „Нравственно-органической личностью" представлялось государство *Блюнчли* [5]). По определению *Шульце*, государство—„не механизм, не искусственно сделанная машина, но *живой организм*, в котором каждый член является одновременно не только средством, но и целью, чтобы, действуя ко благу целого, определять идеей целого свое положение и функции [6])".

Понятие организма становится на некоторое время центральным понятием государственно-правовой доктрины. Государство рассматривается как организм, при чем, однако, положительная политическая наука, в соответствии

---

[1]) См. Hegel, Vorlesungen über Philosophie der Geschichte, Einleitung. О Гегеле см. новейший значительный труд И. А. Ильина, Философия Гегеля, как учение о конкретности Бога и человека, т. I - II, 1918 г. О государстве, в частности, см. т. II, стр. 212 и сл. По вопросу о значении Гегелевской философии и науки XIX ст. см. весьма интересный труд Н. Н. Алексеева, Науки общественные и естественные во взаимоотношении их методов, часть I, 1912 г., стр. 102 и сл. Об отношении к Гегелю идей исторической школы юристов, см. указания П. И. Новгородцева. Историческая школа юристов, стр. 63 и сл., 117 и сл.

[2]) Для Гегеля государство было самоцелью: «Die Vereinigung als solche ist selbst der wahrhafte, Jnhalt und Zweck... См. его Grundlinien der Philosophie des Recht., 1833, § 258, s. 313.

[3]) H. Ahrens Die Philosophie des Rechts und Staates, 1 th. 1852, s. 336: Der Staat ist die Rechts-Gewalts-und Herrschafts Einheit der Gesellschaft».

[4]) Heinr. Alb. Sacharia, Deutsches Staats und Bundesrecht, 2 Aufl., 1853 I, s. 38.

[5]) Bluntschli, op. cit., I, s. 36.

[6]) Hermann Schulze Einleitung in das deutsche Staatsrecht, 1867, s. 119.

со своими заданиями отходит от того метафизическаго смысла, который это понятие первоначально имело. Положительная наука обращается с „организмом", как с внешним предметом, вещью. Как о „мужчине" говорит о государстве *Блюнчли*, противопоставлял ему в качестве „женщины" церковь [1]). Но если даже оставить в стороне аналогии этого рода, то нельзя все же не отметить, что государственная наука в значительной мере, в соответствии со своими, чисто практическими, целями, упростила оставленную ей идеалистической философиею категорию. Положительная наука, с ее воззрением на исследуемые явления как на положительные факты, вообще предпочитает оперирование понятиями, имеющими вполне позитивный характер. Именно она и устанавливает за государством качество личности. Будучи лицом, государство является, однако, вместе с тем и неким правовым центром, *самоцелью* в общежитии. Итак, уже в трудах писателей, принадлежащих к органической школе, государство рассматривается как личность. Нравственно-органической личностью называет его *Блюнчли*, нравственной личностью (moralische Person) провозглашают *Дахариэ*, *Шульце* и многие другие писатели [2]).

У названных юристов понятие личности является, впрочем, лишенной определенности. Зато позднее идеи органической школы получили углубленную разработку в трудах *Безелера* и особенно *Otto Gierke*, с которым, при рассмотрении органической теории, и необходимо считаться в настоящее время. Государство для *Гирке* есть *организм*, но организм своеобразный, тем отличающийся от организмов естественных, что в нем имманетное единство целого сочетается с юридическим к целому отношением частей [3]). *Гирке* исходит из утверждения, что человек, везде, во все времена, носил с собою двойное качество: индивида и члена рода. Ни одно из этих свойств, взятое в отдельности, без другого, не могло бы сделать человека человеком. Но этот *естественный факт* мы и должны принять за логический признак человека, должны констатировать, что его существо лишь частью живет в нем самом, а частью распространено в окружающем его обществе [4]). Человек не может иметь самосознания без того, чтобы *одновременно* не сознавать себя ос бенностью и частью всеобщности. Его воля воспринимает содержание и направление лишь отчасти из себя самой, ибо в другой части она определяется волею других людей. И поскольку мы расцениваем человеческое существование с целевой точки зрения, жизнь от-

---

[1]) Allegem. Staatsrecht, 1, 46.

[2]) Для Zacharia, ibid, 38—эта личность представляется с об'ективной стороны» юридическим отношением. На-ряду с этим названный писатель конструирует государство и особо как учреждение (Anstalt).

[3]) См. O. Gierke Laband's Staatsrecht в Schmoller's Jarbuch, VII, 1883, s. 31 ff. Его же: Die Grundbegriffe des Staatsrechts в «Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft», 1874, B. XXX, 301 ff.

[4]) Grundbegriffe des Staatsrechts, 301: «so nehmen wir denn es nicht nur als eine natürlich gegebene Tatsache hin, sondern setzen es als begriffliches Merkmal des Menschen, dass sein dasein sich zum Theil auf sich selbst und zum Theil auf eine darüberstehende Gemeinschaft bezieht».

дельного человека не может рассматриваться ни как безусловная самоцель, ни как безусловное средство для выполнения требований рода. *Гирке* полагает, что, как индивид, так и общность, существуют для себя и одновременно друг для друга и что задача человечества состоит в установлении гармонии между восполняющим один другого факторами особенного (индивидуального) и всеобщего (целого) [1]).

Выводы из этих положений *Гирке* сделать уже не трудно. Насколько *реальным для нас является существование человека, настолько же реально существование общества*. Самоценность, индивидуальность, естественное и действительное жизненное единство человеческого общества вне сомнений для *Гирке* [2]). Общество—не простая сумма индивидов, но самостоятельное существо—Gemeinvsen,—стоящее над каждой отдельной Einzelvesen.

Мир человеческих обществ по пестроте, соподчиненности частей и расчлененности границ представляет, по мнению *Гирке*, картину, подобную той, что мы наблюдаем в мире органических тел. Как последние, он заключает в себе существа высшего и низшего порядка, бесконечно различные задачи и назначения, заключает вместе с тем и один общий признак,—жизнь. Как и в мире органических тел, в мире человеческих обществ, текучи границы между зародышем и зрелым индивидом, между жизнью и смертью. Реальность жизни, однако, этим не разрушается. И здесь, в социальной действительности, мы наблюдаем постепенный переход в царство соединений неорганического характера, но своеобразное существо совершенного организма при всем этом сохраняет свое значение. Наконец, здесь, как и в мире физических организмов, часто представляется сомнительным, где, при разделении организмов, начинается существование особи, индивида, и где, при соединении последних, начинается существование целого. Тем не менее природное единство остается существенным признаком организма [3]).

К числу этих общественных организмов „в особенности принадлежит", по *Гирке*, *государство*. Существо государственного соединения состоит в том, что оно имеет своей задачей властное (machtvolle) проведение общей воли. Его субстанция—общая воля, его форма проявления—организованная мощь, его задача—целесознаниое (zweckbewusste) действие. Государственное общение этого рода, как утверждает *Гирке*, существовало всегда; о государстве говорят,

---

[1]) Jbid: «Der Mensch kann kein Selbstbewusstsein haben, ohne sich gleichzeitig als Besonderheit und als Theil einer Allgemeinheit zu wissen. Sein Wille empfängt Inhalt und Richtung nur zum Theil aus sich selbst, zum andern Theil wird er durch andere Willen bestimmt. Und sofern wir dem Dasein einen Zweck beilegen ist uns das menschliche Einzelleben weder schlechthin Selbstzweck noch schlechthin Mittel für die Förderung der Gattung, sondern wir glauben, dass das Jndividuum und die Allgemeinheit zunächst für sich und doch gleichzeitig für einander da sind, und dass die Aufgabe der Menschheit in der Herstellung der Harmonie zwischen den einander ergänzenden Faktoren des Besonderen und des Allgemeinen besteht».

[2]) Grundbegriffe s. 302.

[3]) Ibid, s. 303—304.

однако, лишь в тех случаях, когда возникает своеобразный и особенный организм указанного характера. В отличие от других политических организмов, государством называется лишь такой властный союз, власть которого не ограничена свыше другой, аналогичной властью, которому подчинена, наоборот, всякая ниже стоящая, аналогичная власть [1]). Государственная власть характеризуется, таким образом, как власть высшая.

Гирке решительно подчеркивает «реальную сущность» государства, представляющегося ему общественным организмом, имеющим свою самостоятельную жизнь, отличную от жизни составных его частей [2]). *Гирке* стремится придать своей метафизической теории, строго реалистический характер. Реалистическим образом определяет он и понятие права. *Гирке* оспаривает при этом выдвинутую *Гегелем* волевую доктрину, утверждая, что если бы ее господство было прочным, то «ударил бы последний час для национальной правовой мысли", от права сохранилось бы одно лишь название, служащее прикрытием факта определения человеческих отношений волею сильного [3]). Одна воля, пишет *Гирке*, в состоянии сломить другую, но границы для человеческого хотения из воли вывести нельзя. Если бы право было волей, то оно являлось бы ничем иным, как лишь особой формой силы, разумным самоограничением,—по *Иерингу*. Таким образом, не в воле, но в сознании, *в убеждении*, коренится существо права.

Отсюда вытекает и многократно развитое *Гирке* учение об отношении между общественным сознанием—правом—и общественной волей—государственной властью [4]). Если существо права заключается в убеждении, то право само является силой, но силой не внешней, *а внутренней*. Сила права, как сила самостоятельная, не порождается организованной мощью государства, но существует наряду с нею. Внутренняя сила права требует для своего осуществления организованного могущества государства и это последнее служит праву. Так возникает, по *Гирке*, одновременное господство государства над правом и права над государством. Государство и право остаются всегда двумя самостоятельными, взаимнообусловленными, жизненными силами.

Этот устанавливаемый *Гирке* параллелизм отношений между правом и государством не должен, конечно, вводить нас в заблуждение относительно истинного отношения государства к праву. Несомненно, что сознание, эмпири-

---

[1]) Ibid, s. 304.

[2]) S. 305 u. ff. «Was ferner das Wesen des Staates im Allgemeinen betrifft, so müssen wir nach dem Gesagten ihm eine reale Wesenheit zuschreiben. Er erscheint uns als ein menschlicher Gesellschaftsorganismus mit einem von dem Leben seiner Glieder verschiedenen einheitlichen Gesammtleben. Allerdings besteht er, wie er Allgemeinheit ist aus anderen in sich eine Besonderheit bildenden Wesenheiten. Er setzt sich als gesellschaftlicher Organismus aus vielen theils einfachen, theils widerum gesellschaftlichen Organismen, aus Menschen und engeren Verbänden, zusammen».

[3]) См. его Deutsches Privatrecht, B. I, 1895, s. 117.

[4]) См. Johannes Althusius. s. 318 ff; Deutsches Privatrecht, s. 118, Laband's Staatsrecht, s. 93 ff., Grundbegriffe, s. 310 ff.

чески понимаемое, может ограничивать волю, также эмпирически понимаемую. Однако, когда *Гирке* строил свое понятие государства, то последнее уже содержало в себе (и не могло не содержать в силу логической необходимости) существенно правовой элемент. Государство, рассматриваемое в качестве *организма*, уже тем самым квалифицируется, как нечто, независимое от свободного произведения индивида, как необходимый продукт заключенных в индивидах *общественных сил* [1]). Даже в тех случаях, когда государство нарочито и планомерно перестраивается, действует, по *Гирке*, не индивидуальный произвол, но творческая сила общей воли. Образуемое таким образом государственное единство квалифицируется как *первоначальная, для себя сущая, в себе самом заключающее свои цели, сущность. Этим самым, однако, Гирке лишь конструирует правомерность известных порядков, правомерность определенных порядков властвования.* Власть по необходимым законам органического развития возникшая, есть для него власть правомерная. *Гирке* признает за нею верховенство, суверенитет. Но это же и есть государство.

У *Гирке* мы замечаем, таким образом, последовательно проведенную систему обоснования власти государства, как особого, считаемого им за органическое, единства. Он настолько ценит полученное понятие, что создаваемое этим путем единство квалифицирует как существо, противостоящее индивиду. Индивид и государство являются, по его мнению, двумя *самостоятельными жизненными областями*, из которых *ни одна не в состоянии существовать без другой, но каждая восполняет другую, заключая в себе свои цели. Эту самостоятельную жизненную область, эту сущность, этот организм, Гирке квалифицирует в качестве личности* (Gesammtpersönlichkeit) [2]).

Понятие личности, пишет *Гирке* совершенно необходимо, как для частного, так и для публичного права, ибо личность есть центральный пункт всякого субъективного права. Публичное право абстрагирует от личности со стороны ее общественной жизни. Поэтому оно не знает не связанных между собою существ, ему известны лишь союзы и члены последних. К числу таких личностей принадлежит и государство.

Признание государства за *организм* дает, как мы видит, *Гирке* возможность отличать государственную власть от отдельных ее носителей, рассматриваемых лишь в качестве *органов* единой власти [3]). Квалификация его еще в качестве *личности* закрепляет за создаваемым целым, его право на верховную власть. Вне понятия о личности нет и не может быть речи о праве. Поэтому, сколь ни энергично полемизировал *Гирке* против воззрений *Лабанда*, он должен был признать государство за личность, если уж стремился провозгласить за ним право властвовать над людьми.

---

[1]) Grundbegriffe, § 305 ff.

[2]) Grundb griffe s. 317.

[3]) См. его Genossenschaftsrecht, I, 828; Grundbegriffe, 328.

Таково в основных чертах органическое учение о государстве в новейшем его освещении. Но кроме *Гирке*, основные идеи этого учения защищаются в современной германской науке *Розиным* (Heinrich Rosin) и *Прейсом* (Hugo Preuss).

Для *Розина* правовым субъектом, личностью, является всякое существо, за которым право признает присущую ей *жизненную цель*. Эта жизненная цель определяется не интересом личности, как отдельной особи, но ее положением, как части целого. Жизненная цель личности есть ее „общественный интерес" (Gesammtinteresse), общественная функция [1]): К числу таких личностей относится и государство, которое *Розин*, как и *Гирке*, квалифицирует в качестве Gesammtpersönlichkeit [2]). Качеством своей жизненной цели последнее отличается от общины, которая есть также личность. В то время, как община представляет „организм местный" (der Organismus der örtlichen Gemeinschaft), государство есть организм общенародный (der Organismus der Volksgemeinschaft). *Цели*, вытекающие из местных условий, ставит себе община. Реализацию *национальных целей*, целей, присущих всему народу, как естественному обществу, имеет перед собою государство [3]).

По мнению *Прейсса*, учение о государстве должно быть по своим методам естественною наукою. Если науки естественные заняты изучением того ряда органического развития, которое приводит от протоплазмы к индивиду, то следующий ряд, ведущий от индивида вверх до интернационального общения, составляет предмет познания со стороны учения о праве и государстве [4]). Можно смело утверждать, что именно этот писатель доводит органическую о государстве теорию в отношении натурализации всех государственно-правовых построений до последних мыслимых ее пределов. *Прейсс* прямо призывает юристов к тому, чтобы следовать за натуралистами. „Если прежде,— утверждает он,—философии принадлежала руководящая роль, то теперь таковая в руках естествознания" [5]).

Государство, для *Прейсса*, как и для других органологов,—*не создание отдельных людей, но продукт органического развития*. Как каждое явление природы, оно, говорит *Прейсс*, не имеет целей, но приносит плоды [6]).

---

[1]) H. Rosin Souveränetät, Staat, Gemeinde, Selbstverwaltung b Hirth's Annalen des deutschen Reichs, 1883, 288 ff... Persönlichkeit ist das Wesen das für den eigenen Lebenszweck rechtlich wollen darf» (s. 289). См. также его Das Polizeiverordnungsrecht in Preussen, 2. Aufl., 1895, s. 1 ff.

[2]) Ibid., s. 295: «Gesammtpersönlichkeit des Volkes».

[3]) Ibid., s. 291: „Während die Befriedigung der auf dem örtlichen Zusammenwohnen und der nachbarlichen Lage der Gründstücke beruhenden Gemeindebedürfnisse Zweck der Ortsgemeinde ist, verfolgt der Staat die Aufgabe, die nationalen, dem Gesammtvólke als natürlicher Gemeinschaft eigenen Interessen zu realisiren".

[4]) См. Hugo Preuss Gemeinde, Staat, Reich als Gebietskörperschaften 1889, s. 145.

[5]) Ibid., Vorbemerkung, s. VII.

[6]) Ibid, s. 281.

Но особенностью, тем, что может быть названо prinzipium individuationis некоторых органических общественных образований, а именно—общины, государства, империи (Gemeinde, Staat, Reich),—является, по мнению названного автора, присущий им пространственный момент, известная фиксация в определенной местности,—территориальность. Община, государство—территориальные корпорации [1]). Различие между общиной и государством состоит, однако, в том, что государство есть территориальная корпорация, обладающая в то же время способностью существенно видоизменять себя самое, т. е. обладающая территориальным верховенством, тогда как община этой способности лишена [2]).

У нас, впрочем, нет необходимости следить за деталями построений новейшего немецкого органолога в государствоведении. Достаточно знать, что в трудах *Прейсса*, идея государства, как организма, доведена до максимально мыслимой точки натурализации. Государственный организм изображается здесь пространственными признаками, при чем способность его к саморасширению или самосжатию рассматривается как признак, отличающий государство от другого пространственного органического образования,—общины.

Влияние идей органической школы было и остается огромным. Совершенное ею упрощение понятий о нравственном организме с большой живостью было подхвачено юридическою и политическою наукою. Органическая теория с'играла весьма значительную правовую и политическую роль в том отношении, что, хотя и в упрощенной форме, но так или иначе она ввела в арсенал правовых идей понятие о государстве, как существе, имеющем свое самостоятельное жизненное основание [3]). Идея о государстве—механизме заменяется в политическом обиходе идеей о государстве, как органическом единстве, „органической личности".

В. Теория о государстве, как юридической личности.

Уже старый *Цепфль* писал: „Государство есть внешним образом отграниченный союз оседлых семейств, признающий над собою *разумную* власть (mit Anerkennung einer vernunftgemässen Becherrschung)" [4]). Согласно этому определению, государство уже не есть организм, законами природы создаваемый. Оно рассматривается здесь, как союз, заключающий в себе, в своей организации, момент *разума*. „Разумная власть,—как раз'ясняет далее названный писатель в особом примечании,—есть такая власть, существование которой *оправдывается ее целью* (Welche durch die Bezichung auf ihren Zweck gerechtfertigt ist"). Государство рассматривается, таким

---

[1]) S. 284 ff.

[2]) S. 406.

[3]) На это указывает уже C. F. Gerber, Grundzüge des deutschen Staatsrechts. 3 Aufl, s. 220.

[4]) Heinrich Zöpfl Grundsätze des allgemeinen und des constitutionell monarchischen Staatsrechts, 2 Aufe, 1841, § 1.

образом, не как *природное, органическое*, но как *телеологическое* единство. „Государство в идее, или идея государства, есть ничто другое, как разумное представление о таком именно союзе".

Государственная власть, утверждает *Zöpfl*, в ее идее, есть не что иное, как *направленная на достижение государственной цели воля*, снабженная необходимой внешней *мощью* для *своего* практического действования. Не конкретная, человеческая воля, не воля в ее эмпирическом существе, но известная типическая, разумная воля, заключающая в себе момент способности к достижению известной цели, *идеальная воля*, составляет существо государственной власти по *Zöpfl*'ю.

Будучи рассматриваема *об'ективно*, государственная власть есть совокупность принадлежащих властителю, как таковому, *прав*. Если же рассматривать государственную власть *с суб'ективной* точки зрения, она представляется состоянием владения верховными правами на определенной территории,— суверенитетом [1]). Отсюда же остается лишь один шаг *для конструкции государства*, как *лица*, *universitas*, перед которым и не останавливается названный писатель. *Именно в силу единства своей властвующей воли государство является для Цепфля лицом, корпорацией* [2]).

Аналогичным образом рассуждал и другой государствовед того времени— *Шмиттенер* [3]). Сколь бы, однако, суждения названных юристов ни были близки тому, что мы встречаем на страницах трудов представителей новейшей юридической школы, дальнейшее развитие государственно-правовой мысли в Германии было определено, повидимому, все же не ими. Писатели, носившие более крупные имена, должны быть признаны непосредственными предшественниками школы *К. Ф. Гербера*. Среди них, однако, первое место принадлежит вылившимся из философии *Гегеля* идеям *Лоренца фон-Штейна*.

В основе всех трудов *Штейна* лежит чрезвычайно для всего дальнейшего развития государственно-правовых теорий существенная идея, направленная на разграничение „принципа государства" от „принципа общества" [4]).

„Принцип государства" находится, как утверждает *Штейн*, в прямом противоречии с „принципом общества", при чем противоречие это не имеет характера исторической случайности, встречается не только в определенное время и в определенном месте, но существует всегда и везде, составляя ключь

---

[1]) Ibid, § 33.

[2]) Ibid., § 2.

[3]) См. Schmitthener, Grundlinien des allgemeinen oder idealen Staatsrechts, 1845, s. 267 ff.

[4]) Терминология Л. Штейна, употребляющего под час такие выражения, как „органическое" понятие государства, „органические" формы власти и т. п., вводит многих в заблуждение,—настолько, что некоторые считают его представителем органической школы. См., напр., А. Жилин, „Ответственность министров", 1908 г., стр. 15. С таким же, однако, основанием можно отнести к органологам и самого Гегеля, который также любил пользоваться термином „органический".

к об'яснению всего того порядка, в котором выражаются состояния общежития [1]).

Общество есть организм *необходимый*, ибо в нем человек находит свое полное индивидуальное развитие. Образование обществ составляет результат *стихийного процесса* развития индивида, в силу чего общество являет собою выражение частных интересов отдельных людей. Существование различных экономических классов и им подобных общественных образований есть не что иное, как именно результат указанного процесса.

Закон диалектического развития требует, однако, об'единения создающихся в общественной жизни противоположностей. Частные интересы общественных групп должны найти свое об'е инение в *„истинно всеобщих целях" государства*. Государство совершенно об'ективно видит свое собственное высшее развитие не в развитии одной какой-либо части общежития, но в развитии всех единичных людей [2]). Оно возвышается таким образом на *степень самостоятельной и самодеятельной личности*. Государство—*одна из форм личности* [3]). Оно *должно быть* личностью, оно *есть* личность, если под бытием разуметь непрерывный и бесконечный процесс восприятия им необходимых для личности индивидуальных качеств [4]). По самой своей природе государство не может отказаться от выполнения этой задачи. Оно заботится на деле лишь о самом себе, когда печется о благе и преуспеянии индивидов. Эта деятельность государства есть деятельность необходимая; она составляет совершающийся в нем органический процесс, хотя получает свое значительное развитие лишь на высших ступенях его роста.

Утверждение о том, что государство есть личность, может быть, говорит *Штейн*, так же мало обосновано и доказано, как и самодовлеющий характер нашего „я". „Er (der Staat) ist er selber". „Ich kann ihn, wie das Ich, nicht aus einen andern entwickeln". *Как и всякая личность, государство является само для себя основанием.*

Итак, государство есть, по Штейну, одна из форм личности, личность. Для принятия этого положения необходимо, однако, признание за государством *единства сознания и единства воли*, ибо вне такового единства личности нет. Отсюда утверждение *Штейна*, что, если народ и территория составляют *тело* общежития, то его *волю и сознание выражает государство* [5]).

Идея единства воли и сознания и кладется с этого времени в основу конструкции государства, как личности. На-ряду со *Штейном* этой идеей

---

[1]) См. его Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich, B. I, s. XLIII ff. Во многих отношениях любопытна русская монография о Штейне А. Блока— „Государственная власть в европейском обществе", Спб., 1880, см. стр. 4– 16 и сл.

[2]) Ibid., s. XV ff.

[3]) L. v. Stein Die Vollzichende Gewalt, I, 1869, s. 5. Его же Handbueh der Verwaltungslehre, 1870, § 4.

[4]) Die Vollzichende Gewalt, I, s. 12.

[5]) Ibid, s. 13.

пользуется Фридрих Юлиус *Шталь*, а вслед за ним—и родоначальники так назыв. юридической школы.

„Нравственным", „нравственно-интеллектуальным" царством представлялось государство *Шталю* [1]). Это нравственное царство должно, по его мнению, властвовать согласно своим заповедям и целям, служа делу социального мира и претворения нравственности на земле, сохраняя в себе, в своем устройстве и функционировании, господство нравственного начала [2]).

Рассматривая государство, как „нравственное царство", „нравственный мир", ставя ему по преимуществу нравственные задачи, *Шталь* уже тем самым оправдывал его существование с точки зрения нравственности. *Шталь* мог, поэтому, считать государство за нравственное *существо* (sittliches Gemeinwesen). Государство должно быть одновременно и существом правовым (отсюда—Rechtsstaat), ибо между нравственностью и правом существует глубокое единство. Для того же, однако, чтобы быть таким нравственным и правовым существом, государство должно обладать *разумом и волей*, должно быть *личностью*. единым, действующим, субъектом.

Таким образом и у *Шталя* государство рассматривается как личность, при чем в основу конструкции кладется та же идея *о разумности воли* этого самодовлеющего существа. Если государство стремятся рассматривать как самостоятельную в правовом отношении сущность и при том не желают становиться на почву теории, утверждающей об органическом характере его роста, то возникает стремление утверждать, что государству присуща совершенно особая, правом и нравственностью оправданная воля. Если, в самом деле, государство, в качестве личности, возникало не по законам природы, от людей независимым, то оно могло быть в этом своем качестве лишь созданным волевыми усилиями людей. Спрашивается, однако, *почему, на каком основании, это созданное людьми существо надлежит почитать, рассматривать как личность, как нечто, являющееся «само для себя основанием»*. Ответ может быть только один: *потому, на том основании и в той мере*, в какой это «существо»—эта особая, людьми созданная вещь, есть нечто авторитетное, *разумное*. Так как, однако, разумность этого существа не желают обосновывать степенью той пользы, которую оно в состоянии приносить *отдельным людям*, ибо это открыло бы поле для его критики и опорочения, так как оно должно быть *само по себе*, как *личность*, признаваемо разумным, то и *остается провозгласить его познание и волю разумными*. Неудивительно, что после *Штейна* и *Шталя* мы не встречаем в литературе каких-либо новых попыток обоснования идеи о государстве, как личности, если при этом не считать определений, которые имеют узко-технический характер. Пришедший к изучению публичного права цивилист *Гербер*, признанный основатель юридического направления в науке о государстве—исходит в своих

---

[1]) См. F. I. Stahe, Die Philosophie der Rechts, II, 1856, s. 131 ff.

[2]) Ibid., s. 134. О доктрине Шталя на русском языке есть интересная монография А. Е. Назимова—„Реакция в Пруссии" 1886 г.

рассуждениях во всяком случае из той самой идеи о личности, которая была выработана названными выше публицистами. В своей ранней монографии «о публичных правах», *Гербер* называл государство «организмом», понимая, однако, под этим то же, что разумели в таких случаях *Штейн* и *Шталь*. Квалифицируя государство в качестве организма, *Гербер* хотел сказать, что государство приводится в движение не внешней механической силой, но жизненным принципом, действие которого не локализировано при том в одном каком-либо пункте, но распространено на всех членов, самостоятельно определяющих свое поведение задачами всего целого [1]). Становясь на такую точку зрения, *Гербер*, может отвергнуть воззрение на государство, как на об'ект внешней, над нами стоящей монархической власти [2]). Как самостоятельный «организм» государство может быть признано и самостоятельным, независимым от кого-либо другого суб'ектом, права.

В главном своем труде *Гербер* достигает, однако, несравненно большей точности. И здесь *Гербер*, правда, называет государство *организмом* с тою, однако, оговоркою, что он не желает злоупотреблять этим «мистическим» словом [3]). Для юридического понятия о государстве, представление о нем, как организме, не имеет значения. Юридическая конструкция государства имеет значение лишь постольку, поскольку она направлена на выяснение и разграничение *волевых отношений*. Исходным ее пунктом может быть лишь идея, что в составе государства, как организма, заключена *единая воля. Но констатировав единство государственной воли, невозможно, по мнению Гербера, не признать государство за личность* [4]).

Момент единства воли и принимается, как видим, *Гербером* в основу идеи о государстве, как личности. «Государство, как личность», пишет он далее, «обладает своеобразной волевой силой, — *государственной властью*». «Состоит она в праве властвовать, т. е. в праве проявлять связующую весь народ волю для проведения заключенных в государственной цели задач» [5]).

Нельзя не отметить, что *Гербер*, в отличие от своих предшественников, не называет единую волю государства разумной. *Гербер* писал в период отрицания всего того, что связано с тогда уже изжитым временем господства идеалистической философии. Не «разумом», но фактами считали порождаемым право. *Герберу* казалось, поэтому, что, устанавливая определение государ-

---

[1]) См. C. F. Gerber: Ueber öffentliche Rechte, 1852, s. 19 ff. «Der Staat ist ein sittlicher Organismus, der nicht wie der Mechanismus durch eine ausser ihm stehende Kraft, sondern durch das eigene, in ihm selbst wohnende Lebensprinzip bewegt wird ein Lebensprinzip, das freilich nicht in einem einzigen Punkte lokalisirt ist, sondern in allen seinen einzelnen Gliedern mit selbstständiger Bestimmung für die Zwecke des Ganzen thätig wird».

[2]) Ibid., s. 20.

[3]) См. Gerber Grundzüge des deutschen Staatsrechts. 3. Aufl., 1880, s. 219.

[4]) Ibid., s. 222: «Es ist unmöglich, das staatliche Willensrecht ohne Anknüpfung an die staatliche Persönlichkeit zu entwickeln».

[5]) Ibid., s. 226.

ственной власти как единой воли, а государства как личности, он лишь *констатирует факты*. Момент обоснования государственного властвования и именно правового его обоснования, который был на самом деле заключен в формулированном им понятии государства и государственной власти в неменьшей мере, чем в определениях *Шталя* и др. апологетов идеи государства-личности, — момент обоснования переносится позитивным юристом в иную область. *Фактическое констатирование наличного единства государственной власти, представляется достаточным для обоснования ее правомерности.* Положение это, правда, не было с достаточной ясностью осознано самим *Гербером* и его последователями. Оно находится, однако, в теснейшей связи с основными свойствами позитивной юриспруденции и должно занять подобающее место в ее оценке.

Так или иначе, но конструкция о государстве, как правовом субъекте, сослужила большую службу в дальнейшем развитии немецкой политической мысли, столь нуждавшейся в том, чтобы придать государству самодовлеющий в правовом отношении характер. Вместе с тем должно быть отмечено и дальнейшее приспособление понятия государства—личности к позитивным воззрениям эпохи. Если *Гербер* освободил его от свойства «разумности», обратив понятие государственной власти, как единой воли, в формулу, об'единяющую факты, существующие в действительности, то *Лабанд* сближает это понятие с цивилистической категорией юридического лица. Государство является для него юридической личностью. Состоит эта личность, по *Лабанду*, опять-таки в том, что она владеет единой волей. Последнюю, однако, *Лабанд* характеризует совершенно точными юридическими признаками. Государство владеет *самостоятельными* правами господства, *самостоятельной* господствующей волей [1]). Этой конструкцией, как известно, *Лабанд* воспользовался для того, чтобы в рамках ее изложить весь позитивный материал государственного права Германской империи. Монументальный курс *Лабанда*, впервые делает идею государства — личности, достоянием догматической юриспруденции. В плоскости этой именно идеи в дальнейшем и пытаются производить разграничение между государством и общиной, простым и союзным государством. В связи с последним вопросом выдвигается и проблема о том, является ли суверенитет необходимым признаком государства. Словом, вся проблема государственной власти становится на долгий период времени проблемой догматической юриспруденции. Проблема ставится так, что как будто основной вопрос об обосновании власти представляется заранее разрешенным, государственная власть существует, как некий непреложный природный факт, остается же лишь исследовать формы, в каких она проявляется [2]). Исследования эти, как

[1]) Laband, Das Staatsrecht des deutschen Reiches, I, 52: «Die juristische Persönlichkeit des Staates besteht darin, dass der Staat eigene Herrschaftsrechte behufs Durchführung seiner Aufgaben und Pflichten und einen selbstständigen Herrschaftswillen hat».

[2]) Иллюстрацией этой мысли может служить почти вся литература о государственной власти, вышедшая в течение последних десятилетий. Так как, однако

имеющие своим предметом факты, носят при том совершенно позитивный характер. Оба основных, характеризуемых нами, направления—теория органическая и теория о государстве, как юридической личности, приобретают таким образом, одинаково «позитивный» характер. Словно о фактах они спорят между собою!

Можно, однако, утверждать, что и другие направления, оспаривавшие правильность теории *Гербера—Лабанда*, старались доказать ее как бы фактическую неправильность. Сказанное относится прежде всего к охарактеризованным выше суждениям *Зейделя*, *Борнгака* и другим представителям теории, берущей свое начало еще от *Галлера* [1]). Сказанное относится также к теориям, пытающимся конструировать государство, как юридическое отношение.

Еще *Генель* утверждал, что понятие юридического лица—слишком широкое понятие, обнимающее собою „столь различные явления", как корпорацию, учреждение и даже лежачее наследство. Понятием юридического лица выражается, как думал *Генель*, лишь то общее свойство указанных различных явлений, что во-вне они рассматриваются одинаково в качестве единств. Существа внутренних отношений понятие это не может об'яснить ни в малой мере [2]). Взамен понятия юридического лица *Генель* выдвигает понятие *отношения* (Gesammtverhältnis). Постоянное, длящееся, общее отношение между „органами" государства и его „членами",—такова формула, призванная у *Генеля* выразить существо внутренних отношений государственного союза [3]).

Идея государства-отношения проводилась позднее в яркой форме *И. М. Коркуновым* и *Э. Ленингом*. Сколь ни близки построения этих писателей, нельзя не отметить, что вдохновлялись они, повидимому, не совсем одинаковыми мотивами. Как было уже сказано нами выше, стилизация русского госу-

---

сколь бы не был велик наш перечень, он не может быть исчерпывающим, мы воздерживаемся здесь от каких-либо литературных указаний. Не можем, впрочем, не отметить, что сказанное относится к литературе о союзном государстве и о разделении властей в особенности.

[1]) По существу свойственного этим теориям «реализма» см. выше,—реализм в юриспруденции,—стр. 15 и сл.

[2]) См. Alb Haenel, Deutsches Staatsrecht, B. I, 1892, s. 82. Ср. В. Б. Ельяшевич, Юридическое лицо, его происхождение и функции в римском частном праве, 1910 г., стр. 448, которому А. С. Ященко (Теория федерализма, 1912 г., стр. 255 совершенно неправильно приписывает приоритет в приведенной в тексте мысли. Послед ее тем более странно, что Ященко на протяжении своей книги неоднократно цитирует Генеля.

[3]) См. Н. И. Лазаревский, Ответственность за убытки, причиненные должностными лицами, Спб., 1905 г., стр. 298: „все построение Генеля... во-первых отличается в целом чрезвычайной туманностью, во-вторых, самые существенные юридические признаки конструируемого им понятия он выражает посредством такого рода терминов, которые не имеют никакого юридического смысла"... Тем не менее Н. И. Лазаревский заявляет, что из всех германских писателей именно воззрения Генеля наиболее близко подходят к его собственным взглядам. К Генелю близок также H. Rehm (Algemeine Staatslehre, 1899, s. 38), считающий, что лишь в международном праве государство может рассматриваться как суб'ект.

дарственного порядка составляла основную задачу покойного петербургского профессора [1]). Более общий характер имеет попытка *Ленинга*. Последний желает стать на почву строгого реализма, почему и утверждает, что государство есть „реальное правоотношение между властвующими и подвластными [2]).

Но тем не менее воззрение на государство, как на личность, осталось господствующим в юридической литературе до самого последнего времени. *Идея единства государственной власти продолжала играть свою роль.* При всем реализме воззрений от нее трудно было отказаться представителям европейской науки о государстве. Значительную поддержку и развитие эта идея получила в трудах *Георга Иеллинека*, а через них и у большинства писателей по государственному праву [3]).

Иеллинеку удался, однако, и дальнейший шаг по пути примирения идеи государства-личности со строго позитивным на государство и право воззрением. Благодаря сделанному упомянутым ученым разграничению понятий государства, как социального явления и как юридического института, он достиг в своем „общем учении о государстве“ того, что государство-личность рассматривается лишь как (необходимый, правда) *прием юридической конструкции*, тогда как в существе своем государство остается явлением социальным [4]). Идея государства-личности есть с этой точки зрения не что иное, как отвлечение от норм действующего права. Будучи совершенно освобож-

---

[1]) См. выше—реализм в юриспруденции,—стр. 13 и сл.

[2]) См. слово „Staat“ b Handwörterbuch Conrad'a, 3 Aufl., 1911 г., т. VII, стр. 702. Эта теория, по мнению Аншютца (Lehrbuch G. Meger'a, s. 14), прим., есть „nichts anderes, als eine Spielart oder, wenn man will, Verhüllung der Herrschaftstheorie“.

[3]) Еще в своем „Gezetz und Verordnung“, 1887 г., Иеллинек утверждал, что „das erste wesentliche Merkmal des Staates ist seine Eigenschaft als Persönlichkeit, Diese besitzt er, weil er einen einheitlichen Willen hat“. (стр. 192). В этом же смысле см. Аншютц „Юстиция и администрация“, русск. пер. в „журн. Мин. Юстиции“, 1907 г., № 6, стр. 68: „понятия государства и государственной власти относятся друг к другу также, как лицо к своей воле и далее „единству государственной личности соответствует единство ее воли“. См. его же. Deutsches Staatsrecht, Holtzendorff's и Kohler's Enzyklopädie, s. 17 ff. См. также X. S. Gombothecra, La conseption juridique de l'Etat, 1899, p. 84 В. М. Гессен, в словаре Волкова и Филиппова, т. II, вып. VI (sine anno), стр. 536, Ф. Ф. Кокошкин, в Ученых зап. Московского Университета, 1896 г., стр. 13, а также лекции по общему госуд. праву, 2 изд. 1912 г., стр. 179. Неясностью отличаются суждения по данному вопросу O. Mayer'a, Deutsches Verwaltungsrecht, II, s. 367, который чисто условное юридическое понятие воли смешивает с понятием воли в строго психологическом смысле. Должна быть также отмечена работа G. Seidler'a Das juristische Kriterium des Staates, 1905, s. 17 ff. Автором подчеркивается момент рационализации явлений социальной взаимозависимости. См. стр. 28 и сл.

[4]) В этом же направлении, но не на столь принципиальной и широкой основе, развивал свои взгляды Бернацик. См. его Kritische Studien über den Begriff der juristischen Person und über die juristische Persönlichkeit der Behörden, Archiv für

денной от того мистического облика, который она имела во времена *Штейна и Шталя*, она становится вполне приемлемой для позитивной юриспруденции. Отсюда—тот успех, с каким идея государства-личности распространилась в последние десятилетие и за пределы Германии [1]).

öffentliches Recht, V, s. 199 ff. В основу понятия суб'екта права, личности, названный юрист принимает момент цели, но такой цели, которая является законной с точки зрения действующего права. „Rechtssubject ist... Träger eines j den menschlichen Zweckes, den die herrschende Rechtsordnung als Selbstzweck dadurch anerkennt, dass sie dem zu seiner Realisirung erforderlichen Willen rechtliche Kraft verleiht" (s. 233). С этой точки зрения государство является личностью, ибо оно имеет свои правовые цели (s. 235).

[1]) Из французов еще Эсмен. (Общие основания конституционного права, русск. пер. Н. О Бэра, 2 изд., 1909 г., стр. 1) утверждал, что государство есть, „юридическое олицетворение нации; оно является суб'ектом и воплощением власти». Однако, во главе французских юристов, воспринявших идеи немецкой юридической школы стоял Мишу (L. Michau). См. его La théorie de la personalité morale, t. I 1906, p. 263: „L'Etat est la première personae juridique que nous rencontrons dans le monde". См также стр. 291: „ ... la puissance publique est considerée comme appartemant à un sujet de droit qui est l'Etat, c'est-à-dire la collectivité nationale organisée». Как видим, Мишу все же несколько окрашивает немецкую теорию в французский национальный цвет. См. также Felix Moreau. Précis élémentaire de droit constitutionnel, 6 éd., 1908, p. 11. „ ... le droit assimile l'Etat à une personne", Georges Cahen, Le loi et le réglement, 1903, p. 11. В своеобразной форме принимает эту конструкцию М. Hauriou (Précis de droit administratif, 6-me éd., 1907, p. 28; Principes de droit public, 2-me éd (916, p. 41 et suiv.), относящий государство к тому типу институтов, которые способны к персонификации. (Précis, p. 35). Ориу стремится, впрочем, сохранить полную об'ективность в своем исследовании, выяснить основания персонификации институтов, при чем различают суб'ективную личность от об'ективной индивидуальности института и т. д. (см. Principes, p. 60 suiv). В общем и терминология этого писателя имеет чрезвычайно запутанный характер. Достаточно указать, что он различает три вида суверенитета: юридический (суверенитет закона), политический (суверенитет представительного органа) и (личный) „свободных сил", направленных на общее благо. (См. ibid., p. 642 suiv. Знаменательно при этом, что между указанными тремя формами суверенитета Ориу устанавливает иерархию (p. 664), при чем утверждает, что формы эти суть формы единой корпоративной воли: „Les trois formes de la souveraineté sont trois formes de la volonté qui peuvent toutes les trois être rapportées á la nation envisagée corporativement" (p. 663). Ориу утверждает, далее, что это единство национального суверенитета символизирует глава государства (p. 673). Особенно значительный успех выпал на долю идеи государства-личности, однако, в России. См. напр., В. М. Гессен. Основы конституционного права, 1917 г., стр. 28, который, впрочем, считает, что лишь в лице своей правительственной власти государство является суб'ектом права, Н. И. Палиенко, Суверенитет, 1903, стр. 436, 567. А. С. Алексеев, Русское Госуд. Право, 1906 г., стр. 139. Ф. Ф. Кокошкин, цит. соч. Ф. В. Тарановский, Учебник энциклопедии права, 1917 г., стр. 356: „государственная власть есть воля юридической личности государства", А. А. Жилин, Учебник государственного права, 1916 г., стр. 6. А. Рождественский. Теория суб'ективных публичных прав, I, 1918 г., стр. 127. Я. М. Магазинер, Лекции по общему государственному праву, II гр. 1918 г.

П. И. Новгородцев, Государсво и право, «Вопросы философии и пси-

Однако, позитивный характер конструкции не изменил и не мог изменить того значения, которое принадлежало идее государства-личности с самого ее возникновения. Государство-личность, как понятие, создаваемое путем отвлечения от норм действующего права, есть в основном и главном не что иное как то же признание за государством способности быть самому себе основанием. Правда, эта способность теперь выводится из норм действующего права, но за то единственно за действующим правом признается значение права; действующее право, существующий порядок, признан единственно правильным мерилом долженствования.

Государство, как личность, является само для себя основанием. „Воля" этой личности, для индивида непререкаемая, есть государственная власть. Такова основная идея господствующей доктрины. „В конструкционной форме возникшая и до всеобщего сведения доведенная воля, которую призвано проявлять государство в качестве юридической личности публичного права, и есть право". Так пишет *Дорн*, выражая в этих словах мысль как бы всего

хологии», 1904 г., кн. 75, стр. 524) желает подчинить юридическую конструкцию государства «требованиям всеобщего уравнения на почве единого и равного для всех права». Это требование названный автор пытается согласовать и с идеей государства-личности, которую он рассматривает, однако, не в основном и главном ея пункте, а в точке, для этой теории совершенно не специфической. П. И. Новгородцеву следует, однако, в этом вопросе Н. И. Палиенко: Нормативный характер права и его отличительные признаки, изд. 2, 1905 г., стр. 52. И для него значение идеи государства-личности состоит в том, что «право, как выражение воли этой личности, обязательно для всех членов государства, ему подчиненных».

Недостатка в полемике против идеи государства личности также, впрочем, не ощущается. Следует особенно отметить L. Duguit, L'Etat, I p. 5 et suiv. А. Бертелеми, Основания политической власти, русск. пер. В. Н. Дурденевского, журн. мин. юстиции, 1916 г., № 1, А. И. Елистратов Основные начала административного права, 2 изд., стр. 16 и сл. В литературе предшествующего периода весьма темпераментную полемику против этой идеи вел Н. М. Коркунов. См. особ. его Указ и Закон, 1894, стр. 180 и сл. М. Л. Рейснер, Государство, т. I, 2 изд., для которого государство есть лишь «идеологическая фантазма». В общем все же нужно сказать, что политическое и правовое значение идеи государства личности расценивается иногда прямо противоположным образом. Так, по мнению А. И. Елистратова, конструкция государства как личности, проникнута «реминисценциями абсолютизма» (указ соч. стр, 22), тогда как Ф. В. Тарановский полагает, что признание государства юридической личностью «представляет собою не более, как юридическое выражение факта упразднения монархического абсолютизма»... (Юридический метод в государственной науке, 1904 г., стр. 330), В том же духе как А. И. Елистратов, высказался и П. А. Покровский: О государственной власти, отд. оттиск из «юридических записок», издав. Демид. Юридическ. Лицеем, 1914 г., № 304, стр. 40 и сл. Автор пытается доказать исторически то положение, что доктрина государства-личности «законное дитя» эпохи абсолютизма. Глубоко принципиально ставят проблему названный выше французский юрист, Дюги отвергает категорию государства-личности вместе с категорией субъективного права. Он протестует против совершенно априорно устанавливаемой фикции, по которой государство обладает субъективным правом на власть (op. cit., p. 7).

рассматриваемого направления“ [1]). „Можно как угодно разлагать государство на атомы и собирать его из атомов, можно об'явить его „отношением“ или системой „отношений“. Это не уничтожает того факта, что психологически всякое сложившееся государство есть как бы некая личность, у которой есть свой верховный закон бытия“. Так выразил эту идею один из современных русских публицистов [2]). Спрашивается, однако, как мыслимо ее сочетать с основным установленным выше положением науки права, с формальным качеством *человека*, как правового суб'екта, или, что то же, как *самодели в общежитии?*

§ 5.

Понятие государства.

Научное об'яснение существа государства, несомненно, должно стоять в стороне от рассмотренных только что односторонних „правовых“ построений. Оно не должно, однако, впадать в ошибки построений „социологических“ Последние не менее произвольны, чем первые, хотя и имеют нередко совершенно позитивную внешность. Сколько бы мы государств ни „наблюдали“, все эти наблюдения могут привести лишь к случайным и произвольным утверждениям, далеким от об'ективной значимости, если мы не дадим себе заранее отчета в том, в чем же заключается существо стоящей пред нами проблемы. В лучшем случае наблюдение это даст нам возможность установить элементы нашего представления о государстве,—произвести *анализ* „наблюдаемого“. К синтетическому о государстве суждению такая метода во всяком случае нас приблизить не может. Последнее должно быть об'ективным, оно должно дать нам самый предмет исследования, т. е. то необходимое и общее, что стоит за течением наших суб'ективных представлений.

Проблема о государстве есть, однако, прежде всего проблема о человеке, об отношении его к себе подобным. Это есть, другими словами, проблема общества, проблема о той роли, какую призван в нем играть индивид.

Проблема же государственной власти есть проблема о праве одного человека повелевать другим, проблема о праве, которая ставится именно в силу того, что, как явствует из всего предыдущего изложения, мы не можем не рассматривать человека, как суб'екта, как самодель в общежитии. Это положение должен принять тот, кто верит в существование законов духа, определяющих собой ход истории человечества. Бытие индивида, его душевная жизнь, признание за этим непреходящей для нас ценности, есть несомненно один из законов истории. Вместе же с тем право было, есть и будет одним из основных элементов культуры. Вне права нет общества, нет и истории. Мы хотим сказать, что всякий, в результате „органического“ раз-

[1]) См. его Des Staatsreaht des deutschen Reiches, I, 1895, s. 393.

[2]) См. Петр Струве, Patriotica, 1911 г., стр. 74.

вития возникший, порядок предполагает уважение к праву, заключает в числе своих организационных принципов начало самоцельности личности, признание ценности за каждым человеческим существом. Отрицание этого положения неминуемо приводит к утверждению, что всякий *фактически существующий* порядок, на каких бы началах он ни был построен, есть порядок правовой и только потому, как он фактически существует, что он есть „социальное" явление. Этого не утверждали, конечно, ни *Гегель*, ни *Шталь* (известно, что Гегелевское „действительное разумно и разумны действительно" имело иной смысл: действительное не было для него равно-начно фактическому); но они дали повод к таким утверждениям. Человеческая личность оказалась ими спрятанной настолько глубоко за пластами общей закономерности, что многие и совсем потеряли это существо из виду. Таким образом и оказалось, что цену имеет только „развитие", а человек—никакой. Между тем всякое „действительное" развитие стремится вовсе не к поглощению человека, но к его возвеличению. С развитием культуры право не умирает, а, наоборот, приобретает все новые и новые жизненные силы.

Проблема о государстве не может быть даже понята вне—проблемы о человеке и его роли в общежитии. Лучшим доказательством этого служат теории для которых государства, как особой проблемы, вообще не существует. Все эти теории стремятся исходить в своих социальных конструкциях не из понятия человека, но из понятия какой-либо социальной группы (класса, племени и т. п.), как конкретного образования, поглощающего в себе человеческую личность безо всякого остатка. Таким, именно, образом *Маркс*, *Энгельс*, *Гумплович* и др. приходили к своим упрощенным суждениям, к отвержению значения права в человеческом общежитии, к сведению правовых, нравственных и пр. начал к значению „надстройки" над некиим „материальным" базисом. Замечательно при этом, однако, то, что идея человека, как самоцели в общежитии, все же остается действовать, в качестве непреложного закона, над всякой социальной теорией. Остается она в качестве определяющего, хотя и не осознанного начала и во многих положениях *Маркса*. Достаточно сослаться здесь на теорию трудовой ценности, в основе которой, несомненно, лежит идея всякого человека, как самоценности, на положения названного автора, направленные на обоснование обобществления орудий производства, на доказательство, например, этической закономерности этого „прыжка" из „царства необходимости в царство свободы". И рядом с этим мы видим утверждение относительно человека, его права и государства, звучащие простым цинизмом в этих вопросах [1]).

Мы должны, таким образом, отбросить все представления, покоящиеся на воззрении на государство, как на особую „органическую", „классовую"

---

[1]) С учениями Маркса и Энгельса любопытно сопоставить работу Лассаля—„System der erworbenen Rechte, B. I—III. Последний в этом, по крайней мере, произведении далек от того упрощенного отношения к проблеме права, которое, вообще говоря, характеризует школу Маркса.

и т. п. „сущность", в которой так или иначе растворяется индивид. Ни „законы природы", ни законы „диалектического развития" наших идей не уничтожат роли и значения человека в общежитии. При всяких условиях жизни люди *делают* то, что называется историей, организуют взаимные свои отношения, регулируют свои поступки. Человеческое общество по существу своему есть ни что иное, как *состояние урегулированности* определенного круга человеческих действий, что уже было показано *Штаммлером* [1]).

Регулирование человеческого поведения происходит, разумеется, не в силу общественного или иного договора между индивидами, как то полагали представители естественно-правовой школы. Общество образуется не на основе взаимного всех соглашения, которое и по существу своему недостижимо, ибо при всяких условиях найдутся лица, заинтересованные в существовании хаоса и анархии. Однако, при всяких данных исторических, географических и иных условиях некая группа людей играет роль организаторов массового поведения, принимает на себя регулирование человеческих действий, подчиняет их определенным началам. Всякий общественный порядок, при всем признании значения прошлого, стихии, всего того, что называется средою, все же может быть, следовательно, *оцениваем* с точки зрения высших начал. В человеческом духе живет не одна стихия; им управляет и регулирующий действие стихийных законов рассудок. Общественный порядок может быть, таким образом, *правовым* или *неправовым*, смотря по тому, каким началам подчинено регулирование человеческого поведения.

Властвование одного человека над другим может иметь правовой или неправовой (насильнический) характер. И не трудно теперь указать критерий, по которому правовая власть отличается от простого насилия. *В том случае, если власть подчинена началу самоцельности человеческой личности, началу субъекта права юридического отношения, она является правовою властью, и соответствующее общественное состояние является состоянием правовым. Достижение этого правового состояния при всяких данных условиях, регулирование человеческого поведения в каждой данной исторической обстановке на основе указанных правовых принципов и составляет сущность того общественного состояния, которое называется государством.* Отказ от подчинения властвования указанным началам неминуемо делает данную власть насильничеством обращает ее, говоря словами *Бодена*, в „une troupe des volers et pirates". Именно в качестве правового состояния государства может быть „институтом", как характеризует его *Ориу*, „институтом институтов", „равновесием институтов", ибо вне правовой организации не может существовать никакой институт, не может быть достигнуто какое бы то ни было равновесие.

Это не значит, что реализацией права исчерпываются все цели и задачи государства, как то думали *Кант* и *Фихте*. В каждых данных условиях

---

[1]) См. выше, II, стр. 76.

пред государством встают различные цели, цели столь же многообразные, сколь многообразны явления жизни. Но лишь в том случае, если цели эти проводятся в определенного рода формах, обусловленных в основе своей, началами самоцельности человеческой личности, мы будем иметь пред собою действительно государственную деятельность, государственное властвование, государство [1]). Все существующие в государстве учреждения и должности означают собою ни что иное, как именно попытки осуществить правовые формы во властвовании, т. е. попытки подчинить его правовым началам. Предполагается, что каждый акт власти соразмерен с общей в нем потребностью, что всякий акт принуждения личности обоснован общей в том необходимостью, что никто не властвует в своих личных, а также классовых, групповых, вообще—частных интересах.

Правовые принципы суть, однако, лишь формы мышления, априорные понятия. Претворение принципов во всей их мыслительной чистоте может составить лишь вечное стремление, уходит, как идеал, в безконечность. Осуществление их на практике есть подчинение им эмпирических фактов поведения, происходящих в эмпирических и в конкретных условиях. Условия эти

---

[1]) Отсюда видно, что Кант, конструируя понятие государства из понятия права, был в основе прав. Срв. замечания O. Sarwey. Das öffentliche Recht und die Verwaltungsrechtspflege, 1880, s. 12—13. Неправильно утверждать, что государство и право близнецы, как это делает Прейсс (Gemeinde, Staat, Reich, 1889, 205) у которого это утверждение находится, впрочем, в связи с его органическими воззрениями. Весьма недостаточным представляется нам и указание Дюги, что „le droit n'est donc point suivant l'expression de Iehring, la politique de la force il est la limite de la force" (L'Etat, I, 1901, p. 15). Наиболее ценные в литературе государственного права указание на значение права для государства мы встречаем у Генеля (см. A. Haenel, Studien Zum deutschen Staatsrechte, B. II, 1888, 216 ff.), а затем у Krabbe (Die Lehre der Rechtssouveränetät, 1906, s. 2 и pass.), и Affolter'a (Studien Zum Staatsfegriffe, в „Archiv für öffentl. Recht", 1902, s. 123 ff.). В России направление это нашло своего защитника в лице А. С. Алексеева „Начало верховенства права в современном государстве", 1910 г., стр. 9: „право для своего возникновения не ждало законодателя, оно жило века, прежде чем выросли государство и государи". Срвн. его же, „К вопросу о юридической природе власти монарха в конституционном государстве", стр. 121: „и монарх и народ отказались от своих притязаний на суверенитет и признали над собою одного общего владыку—силу права". Срвн. Н. И. Лазаревский—„Русское государственное право", т. I, стр. 29 и сл. Указанное учение нашло свое отражение также в лекциях по общему государственному праву (2 изд.) Ф. Ф. Кокошкина и статье П. А. Покровского („Изв. Мин. Иностр. Дел", 1912 г., кн. VI). Психологическую теорию подчинения государства праву предлагает Н. И. Палиенко—„Учение о существе права и правовой связанности государства", 1908 г., стр. 334 и сл. По его мнению, нормы, законы, которые устанавливаются государством, носителем общественного властвования, являются внешними императивными нормами также и для него самого, потому что обязательность их для государства зиждется не на государственной лишь власти или конструируемой юристами воле государства, но обусловливается тем психологическим фактором, который в огромной мере обусловливает и самую силу государства, его власти—признанием со стороны подвластных (стр. 337). Срвн. его „Нормативный характер права", стр. 52 и сл.

весьма разнообразны. Это — не только внешняя обстановка человеческой жизни (географическая среда и т. п.), но и степень развития человеческого сознания, в частности его правосознания, способность к положительной деятельности и т. п. От этих всех условий, несомненно, зависит возможность большого или меньшого приближения человеческой организации к чистым идеалам права. Однако, каковы бы эти условия ни были, отказ от правового регулирования от видоизменения их в направлении к высшей ступени развития грозит гибелью общежитию. Каждое конкретное государственное состояние и представляет собою, поэтому, конкретную *попытку подчинения системы регулирования человеческих действий правовым началам.* Восточная деспотия, московское государство, абсолютная монархия, государство конституционное представляют конкретные примеры этих попыток в их применении к различным условиям. Тип современного правового государства, где подчинение правовым началам вполне осознано, где организационная энергия человека пропитана ими с наибольшею полнотой, несомненно является, с этой точки зрения, высшим типом развития государственности. Правовое государство представляет режим, где правовые начала приобретают высокую способность проникновения как в ширь, так и в глубь всей системы регулирования общественных отношений, режим наибольшого приближения к правовым идеалам, но все же режим от *чистого* претворения этих начал в действительности столь же далекий, сколь все исторически обусловленное, эмпирически ограниченное, далеко от мыслительной чистоты, от идеала. Но, с другой стороны, все идеальное существует для нас лишь постольку, поскольку оно способно оказывать через человеческое сознание свое воздействие на данную конкретно-эмпирическую обстановку, способно ее видоизменять в направлении к достижению идеала. Таково же значение и чистых правовых форм. *Оне способны не только мерцать в качестве идеала, но и действовать в каждой отдельной исторической обстановке, являя собою для человеческого сознания прочнейшую опору в его борьбе со всякими выражениями насилия, произвола, неправды и зла.*

Человеческие массы, поведение коих подчинено правовому регулированию, образуют единство, называемое *народом.*

Пространственные границы, в пределах которых происходит правовое регулирование, определяют собою *территорию* правового властвования. Государство может быть, таким образом, определено, как *правовое состояние множества живущих на определенном пространстве людей.*

В своих внешних отношениях государство может быть определяемо через понятие юридической личности. В праве международном и гражданском государственная деятельность этому принципу, по крайней мере, подчиняется. Но самое понятие юридической личности обозначает ни что иное, как образ совместного поведения многих людей и в качестве такового не должен быть обращаем в какую-либо субстанцию [1]). Утверждая, что государ-

[1]) См. нашу „Философию права", ч. I, § 40.

ство в праве международном и гражданском должно рассматриваться как юридическое лицо, мы тем самым лишь оттеняем одну из сторон изучаемого круга явлений, отмечая необходимость согласного в известного рода случаях поведения многих людей, предполагая при этом, однако, что правовыми суб'ектами остаются все же *люди*, что качество самодельности остается за ними, а не переходит на какую бы то ни было особую „личность". Применение этого понятия в сфере права государственного не имеет смысла, ибо здесь пред нами совсем другой круг проблем; здесь речь идет о праве власти и подчинения, в каковом отношении понятие юридической личности ничего осветить не может [1]).

Итак, государство есть правовое состояние, состояние подчинения людей регулирующим их поведение правилам, которые, в силу согласованности их с идеей человека, как самодели в общежитии, рассматриваются, как правила правовые, как правовые нормы. Правовое состояние, есть, таким образом, состояние наличности у людей возможности действовать правовым образом, состояние наличности у них полномочий и обязанностей. Воздействие воли одного на поведение другого соразмеряется с предписаниями права, с полномочиями и обязанностями. Акты власти одного над другим суть в этом состоянии правовые акты, акты, совершаемые в силу предписания правового порядка, а не во имя тех или иных частных целей. *Публичные полномочия суть поэтому всегда в то же время обязанности.* Властвовать в правовом состоянии означает, следовательно, не только нести полномочия, но и отправлять обязанности, об'ективным правом возложенные [2]).

Совокупность полномочий, которые являются в то же время и обязанностями, и составляет то, что называется государственной властью. Единство государственной власти есть лишь единство об'единяющего принципа, которому соответствуют во вне определенная соподчиненность обязанностей и полномочий, т. е. *возможностей поведения.*

Единой государственной власти, которая бы могла „принадлежать" кому-нибудь, на самом деле, как эмпирической реальности, конечно, нет и быть не может. „Государственная власть" не может „принадлежать" ни монарху, ни „государству", как организму, ни государству, как особого рода юридической личности. „Государственная власть" не может принадлежать и чиновникам, как это утверждают некоторые [3]). Государственная власть, единство

---

[1]) Срвн. работу П. А. Покровского—„Изв. Мин. Иностр. Дел", 1912 г., кн. V, который пытается доказать, что государство и в международном праве не может быть рассматриваемо в качестве юридической личности. О государстве, как фиске и юридическом лице гражданского права см. обширное исследование Н. И. Лазаревского—„Ответственность за убытки, причиненные должностными лицами", Спб., 1905 г.

[2]) Срвн. нашу „Философию права", ч. I, § 41.

[3]) См., напр., Бертелеми, цит. статья, стр. 160: „...власть принадлежит скорее (?) самим агентам, чем государству". Особенное значение это утверждение имеет, однако, в мировоззрении Дюги. См. его L'Etat, t. I, p. 19, Traité de droit constitutionel, t. I, p. 37 et suiv. Государственная власть для Дюги есть не что

которой может быть лишь единством правового принципа, есть не что иное, как совокупность полномочий, принадлежащих должностным лицам. Никто из последних не владеет государственной властью: каждое должностное лицо осуществляет лишь полномочия и несет обязанности, предоставленные правом—не более.

Ближайшие свои определения правовое властвование находит в понятиях суверенитета, автономии, разделении властей и других, эмпирических уже, категориях (категориях не философии права, но права государственного), исследование которых выходит, однако, уже за пределы задач настоящих методологических этюдов. Мы можем здесь лишь сказать, что и эти понятия означают собою ни что иное, как об'единяющие принципы поведения, определенные образы сочетаний обязанностей и полномочий. Указанными понятиями не выражается, таким образом, сама сущность государственного властвования, как это издавно принято было думать в науке, но дается лишь этой власти ближайшая правовая характеристика. Правовыми суб'ектами во всех случаях остаются люди, об'единению поведения которых упомянутые понятия служат, но не, какия бы то ни было метафизические субстанции, являющиеся, яко бы, носителями суверенитета и прочих свойств правового властвования.

§ 6.

Выводы.

Мы в состоянии теперь подвести итоги нашим методологическим изысканиям.

Проблема государственной власти есть проблема не психологии, не истории и не социологии, но *проблема права одного человека повелевать другим*. Исследуя эту проблему, мы убедились, что самая возможность ее обусловлена определенными предположениями нашего мышления и именно необходимостью рассматривать человека, как самоцель в общежитии. Обращаясь к разрешению проблемы мы должны были, следовательно, принять, что всякая власть человека над человеком, почему бы она в данных условиях ни возникала, нуждается еще в оправдании.

Несомненно, что один человек может властвовать (и властвует) над другими в силу различных иррациональных свойств души как властвующего, так и подвластного. Очень часто совершенно неведомые тому и другому психические склонности и переживания порождают господство одной личности над другою. *Всякая общественная власть есть, однако, всегда не господство просто,*

иное, как власть сильнейших. „Les gouvernants ont toujours été sentiet seront toujours les plus forts en-fait" (p. 38). В связи с идеями Дюги во французской литературе становится все более популярным деление должностных лиц на gouvernants и agents. Даже писатели, как будто далеко от идей Дюги стоящие, придерживаются этой терминологии. См., напр., I. Barthélemy—„Le role du pouvoir executif dans les republiques modernes, 1906, p. 32.

но урегулированное, определенное некоторой совокупностью рациональных принципов и правил, господство одной группы над другою. Эти правила и принципы живут во всей культуре народа, во всей совокупности понятий, которыя люди подчиняют свое поведение в каждых данных условиях. Общественные нравы, мораль, положительное право, государственное устройство, религиозные верования, эстерические навыки, наука, метафизика народа,—все это представляет социальную силу, служащую организацию человеческого поведения, подчинение его некоторым рациональным требованиям. Мы видим, следовательно, в насколько упрощенном виде представлена проблема власти в произведениях тех, кто рассматривает властвующих только как группу сильнейших. Для того, однако, чтобы слагающаяся таким образом общественная власть была правовою властью, безусловно необходимо, чтобы вся ее деятельность была подчинена началу самоцельности всех и каждого в общежитии в постановке своих целей и задач. Властвование должно быть пропитано принципом общественного служения, того, что называется общественным интересом. Осуществление этих целей и достижение задач должно протекать не иначе, как в определенных формах. *Таким образом формальное начало самоцельности человеческой личности раскрывается как со стороны положительных требований, предъявляемых к власти, так и со стороны ограничений ее деятельности.*

Правовая власть становится вместе с тем деятельностью, теснейше связанной правовыми предписаниями, приобретает характер состояния, в котором властвовать значит исполнять полномочия, являющиеся в то же время и обязанностями.

Таковой и является государственная власть. Власть, лишенная этого глубоко правового обоснования, есть насилие, которое само не поддается оправданию и, следовательно, оправдывает всякую против себя реакцию.

Живя в состоянии взаимной друг от друга зависимости, мы должны из указанных двух родов господства выбрать один...

V.

Власть.

(Общий итог).

После произведенных исследований мы в состоянии представить учение о власти схематически в следующем виде.

I.

О Власти вообще.

Господство человека над человеком обусловлено двоякого рода силами, действующими порой совместно, а иногда порознь. Это, во-первых, сила действия иррациональных, неосознанных, переживаний одного человека другим, а, во вторых, сила действия начал рациональных—принципов разума, определяющих поведение чрез волю, т. е. чрез способность поступать согласно правилам. По отношению к личности власть имеет в первом случае гетерономный характер,—тогда как во втором она определяется автономно. Это значит, что в первой группе случаев поведение человека (подчинение власти) определено всецело мотивами, вне разумного его сознания лежащими, в отличие от случаев, когда человек сам принимает в своем сознании основания власти и подчинения. При этом нужно, впрочем, иметь в виду, что автономно принятые принципы легко переходят в сферу гетерономии: становясь достоянием сознания, принципы эти настолько тесно связываются со всею душевною жизнью, настолько глубоко вживаются личностью, что становятся существенной частью его иррациональной стихии.

Вся область человеческих отношений может быть с точки зрения учения о власти разделена на две сферы. Мы имеем пред собою, прежде *сферу строго личных, частью даже интимных, отношений.* В этой области власть порождается действием главным образом иррациональных сил. Общие правила и принципы, если не могут быть устранены совершенно, играют в указанной сфере по большей части ничтожную роль. Сюда относятся указанные в литературе о власти случаи, когда один человек как бы совсем бессознательно подчиняется другому.

„Но человека человек
„Послал к анчару властным взглядом:
„И тот послушно в путь потек,
„И к утру возвратился с ядом".

Совершенно несомненно, что в этого рода случаях значение рациональных начал для действия власти и подчинения понижается до минимума, быть может—и до нуля. [1]) В человеке заложены некоторые иррациональные

[1]) Ср. С. Л. Франк „Проблема власти" в сборнике указанного автора „Философия и жизнь".

свойства, побуждающие его стремиться к власти над себе подобными. Эта сторона души человеческой и была до преувеличения ярко выдвинута в произведениях *Фр. Ницше*. „Только там, где есть жизнь, есть и воля", писал названный автор, „но не воля к жизни, но-так учу я тебя—воля к власти!" „Многое ценится у живущего выше, чем сама жизнь, но самая оценка свидетельствует о воле к власти". *Ницше* высоко ценил, возвеличивал, это свойство души человеческой. „Война и мужество сделали, по его мнению, больше, чем любовь к ближнему". „Не сострадание ваше, но ваша храбрость спасала доныне погибающих", говорит Заратустра своим ученикам. *Ницше* говорит всюду *о воле* к власти. Нас не должно смущать это обозначение стихийного стремления одних людей повелевать другими, ибо он оперирует не *Кантовским* понятием воли (в смысле способности поступать по правилу); понятие воли *Ницше* заимствовал у *Шопенгауэра*, для которого воля и есть не что иное, как стихийное необузданное желание. В своем учении о власти, как воле, *Ницше* выдвигает, таким образом, положение о наличности в человеке иррационального, никакой логике не подчиненного, стихийного желания подчинять своей воле других людей. Чувство власти есть с этой точки зрения глубоко активное чувство. Именно—чувство, по законам духовной стихии возникающее, но не рационально обоснованное выражение воли, служащее средством для достижения той или иной разумным образом установленной цели. По *Ницше* власть существует не во имя чего-нибудь, не ради чего-нибудь, но во имя и ради себя самой, ради власти. Люди любят власть не потому только, что она приносит им те или иные выгоды, но—потому, что она есть власть.

Это учение погружает нас в самые глубины души человеческой. Стремление к власти, как стихийное чувство, означает стремление духа к безграничной деятельности, означает его чувства уверенности в себе, знаменует веру в благие последствия своего проявления в отношении к другим людям, свидетельствует о неуклонном стремлении духа к независимости. Человек, лишенный чувства власти, есть существо, не имеющее веры в себя самого, ищущее спасения своего в подчинении окружающим. Лишенный чувства власти человек лишается и всякой способности к свободе, лишается того, что составляет сущность всякой духовной деятельности. В этом случае и знаменитые слова *Аристотеля*, которыми он стремился оправдать рабство, приобретают совсем особенное содержание. „Один человек от природы свободен, другой от природы раб", писал великий Стагирит в своей „Политике". Так или иначе, но наряду с чувством власти существует *чувство зависимости, подчинения, означающее неуверенность духа в самом себе*, побуждающее его искать поддержки в духе другой личности и определения деятельности, гетерономно, чрез чужую волю. Оно столь же иррационально в душе человеческой, как и противоположное ему чувство власти. Чувство зависимости возникает в человеке нередко и совершенно независимо от того, имеется ли у другого лица стремление над ним властвовать. Правда, обычно чувства власти и подчинения корреспондируют друг другу; бывают,

однако, случаи, когда подчинение одного совершенно не обусловлено желанием другого лица властвовать. Факт этот был хорошо подмечен проф. Н. М. Коркуновым [1]). Последний, несомненно, ошибочно свел все существо власти к сознанию зависимости, к подчинению, но правильно заметил из этой области ряд весьма существенных фактов Татьяна властвовала над Онегиным и тогда, когда

„Она его не замечала,
„Как он не бейся, хоть умри".

„Вы не знаете, Евгений Павлович", говорит князь Мышкин в „Идиоте" Достоевского, об'ясняя свою покорность Настасье Филиповне,—„...я не могу лица Настасьи Филиповны выносить... Я еще утром, на портрете не мог его вынести... Я боюсь ее лица"... От этого лица у князя Мышкина „пронзено навсегда сердце". Моцарт у Пушкина властвует над сердцами, хотя он— этот, по выражению Сальери, „гуляка праздный", меньше всего к власти стремится. Над людьми властвуют нередко и не живые люди, но призраки. Умерший властвует подчас над сердцами живых.

„Живая власть для черни ненавистна,
„Они любить умеют только мертвых",

сетует Борис Годунов у Пушкина.

Нередко люди охотнее подчиняются „живой власти", если она окутана таинственным туманом некоего призрака. Прекрасно выражена эта мысль в том же „Борисе Годунове" словами Шуйского:

„Конечно, царь, сильна твоя держава,
„Ты милостью, радением и щедротой
„Усыновил сердца своих рабов,
„Но знаешь сам: бессмысленная чернь
„Изменчива, мятежна, суеверна,
„Легко пустой надежде предана,
„Мгновенному внушению послушна,
„Для истины глуха и равнодушна,
„А баснями питается она.
„Ей нравится бесстыдная отвага;
„Так если сей неведомый бродяга
„Литовскую границу перейдет,
„К нему толпу безумцев привлечет
„Димитрия воскреснувшее имя"...

В известной мере чувство зависимости свойственно, впрочем, всем вообще людям. И немецкий философ, певец идеи сверхчеловека, тщетно пытался вы-

[1]) В новой литературе теория Коркунова (см. его Указ и Закон 1894 г. стр. 176 и сл. и Русское Государствен Право т. I, стр. 23 и сл.) нашла себе энергичную поддержку у С. А. Котляревского (Власть и Право, 1915 г. стр. 17 и след.), который, однако, правильно указывает на необходимость сочетания ее с идеей Ницше воли к власти,—иначе явления властвования и подчинения во всей их сложности не могут быть поняты.

травить чувство подчинения из душ человеческих. Хотя он и крикнул с невероятной дерзостью, что „Бог умер", но чувство *связанности* со всем миром, чувство зависимости от некоего общего, не людьми созданного порядка, ни этим возгласом, ни всей философией *Ницше* не может быть уничтожено. Человек ищет порядка, ищет закона, ищет в этом смысле себе властителя. Вот почему и „великий инквизитор" у Достоевского правильно утверждает, что люди не успокоятся, пока не найдут для себя властителей. Душа человека лишена абсолютной свободы; он свободен лишь относительно, ибо человек есть не только духовная единица, но одновременно и часть природы. Однако и для того, чтобы пользоваться относительно своей свободой, человеку необходимо урегулировать проявление своих чувств вообще и стремление к власти в особенности, рациональным образом, через систему понятий. Лишь в этом случае свобода человека будет не внутренней только его силой но и внешним фактом. Лишь в этом случае человеческое общество становится некоторой системой свободы. Мы подходим таким образом *ко второй группе человеческих отношений, к той группе отношений, где строго личные, индивидуально определяемые связи и отношения урегулированы общим разумным образом*, т. е. *через общие, необходимые для общежития, принципы.*

Урегулированные через эти принципы властвование и подчинение приобретают разумную обоснованность. Они уже не могут рассматриваться как простой, голый, факт психической жизни, как чувство, по стихийным законам родившееся. Как власть, так и подчинение есть в этих случаях ни что иное, как средство, служащее некоей разумной цели. И эта цель должна состоять в претворении свободы во внешней жизни, в общественных отношениях. Властвование и подчинение определены в этих случаях нормами. Чувство уверенности в себе у властвующего, чувство зависимости у подвластного сопровождается здесь чувством движения к общему разумному принципу, к закону, как властвующего так и подвластного. Природное стремление к власти и природная же готовность к подчинению заменяется *умением властвовать, обосновывая свою* власть определенными принципами, действуя в определенных формах, а равно и умением подчиняться. Властвующий и подвластный, определившие свою деятельность общими началами, уже не суть господин и раб, но господа друг в отношении к другу. Преисполненные чувством уважения к общему закону властвующий и подвластный уважают равно и друг друга.

Таковы последствия разумного регулирования человеческого поведения, приводящего к созданию *общественной власти*, к ближайшему рассмотрению которой мы и должны перейти в дальнейшем изложении. Не следует, однако, думать, что в сфере общественно организованной власти действуют одни лишь законы разума, т. е. одни лишь принципы и правила, что здесь всякие влияния порядка иррационального являются заранее исключенными. Как уже было в литературе о власти превосходно показано *Зиммелем* (См. *его* Soziologie der Uber=und Unter=Ordnung, в Archif für Socialwissenchaft und Socialpolitik, 1908 г., стр. 477 и сл.), и в организованном обществе люди непрерывно оказывают друг на друга взаимные психические воздействия. И

властвующий защищен от таковых не более, чем подвластный. Затем, чувства власти и чувства зависимости, разумеются, продолжают жить также и в людях, которые подчинили себя и свое поведение общим принципам. Властвовать всегда и при всяких условиях способен лишь тот, кто одержим стремлением к господству и слепой будет у власти тот, кто ее боится. Иррациональный, чисто фактический, момент господства никогда не может быть устранен из отношений власти и подчинения совершенно и без всякого остатка. В наименьшей степени существует указанный момент в некоторых группах отношений, определяемых нормами частного права и именно там, где при установлении, изменении и прекращении правовых состояний, определяющее значение имеет сделки двустороннего типа—договоры. Сюда относятся область обязательственных отношений. Но уже в сфере права вещного, а еще более семейного, фактический момент,—говоря языком *Ницше*,—воля к власти—играет уже несравненно более значительную роль. Для владения, собственности требуется тот „animus", то желание господства над вещью, а, следовательно, и то желание определять связанные с этим состояния, при отсутствии каковых не может существовать никакого владения, никакой собственности. В еще большей мере этот „animus", желание властвовать, должно иметься в наличности, когда речь идет об отцовской власти. Если же от отношений частно-правовых перейти в область публичного права, то отмечаемый нами иррациональный состав власти приобретает несравненно более крупное значение. Не имеющий „вкуса к власти" монарх, министр, губернатор, городовой; парламент, не чувствующий себя властителем, судья, стесняющийся своего судейского звания; адвокат, лишенный чувства гордости своей независимостью—разве это те люди, которые действительно исполняют свое публичное назначение? И ломочия общественной власти, находящиеся в слабых, дрожащих руках, лишаются всякого значения и всякого смысла. Необходимо, таким образом, признать, что принципы разума дают лишь обоснование власти, они направляют, регулируют ее деятельность. Самого факта власти заменить собою они никогда не могут, ибо регулирование, определение жизни, никогда не заменит собою жизни самой. Всякая общественная власть и правовая в том числе есть прежде всего, поэтому, фактическая власть.

Иррациональные остатки в организованной власти не могут быть устранены из нее в силу, однако, еще одного основания. Самый процесс упорядочения жизни чрез посредство принципов и правил протекает всегда в атмосфере тех или иных чувств человеческих. Те, кто устанавливает и проводит принципы и правила, не может не сознавать целей своей деятельности. Те же, кто подчиняется, эти принципы и правила принимают, очень часто, наоборот, неспособны понимать их разумного значения и смысла. Принятие этих норм в качестве начал, определяющих поведение, происходит *гетерономно*, чрез простое подчинение власти и воле других людей. Никакое всеобщее голосование не гарантирует при том действительно автономного принятия тех или иных норм в руководство для поведения, ибо каждое такое голосование неизбежно проходит в обстановке воздействия на чувства и волю (партийного, чрез дема-

гогию и. т. п.). Фактическая возможность оказывать воздействие, властвовать, сохраняется, следовательно в полной мере при самом установлении и изменении начал регулирования. Но иррациональные моменты сохраняются во властвовании и тогда, когда те или иные нормы вжиты в сознание личности, являются неотъемлемой его частью. Тогда, как мы отмечали, чувство страха и подчинения заменяется или, точнее, сопровождается, чувством уважения к общему закону, к общей воле, чувством любви к ней, бессознательной к общему порядку духовной привязанностью. Иррациональные особенности души человеческой сохраняют свое значение и в этой категории случаев. Здесь существенно изменяется *содержание* иррациональных переживаний, но не сила и действие. Именно определенный комплекс чувств, не замеченный ни *Ницше, ни* другими, о власти писавшими, играет роль той фактической, и весьма сильной, общественной спайки в случаях, когда общество организовано на высоких рациональных принципах права. Это и есть то чувство уважения, которое *Кант* отмечал в качестве необходимого психического спутника всякой возможности действия нравственного закона, категорического императива.

Итак, всякая упорядоченная, разумным образом обоснованная, власть всегда имеет и не может не иметь той или иной реальной, фактической, основы. Всякая общественная власть создается в определенной *исторической обстановке*, в цепи взаимною между собой связанных во времени обстоятельств. И мы, приступая к изучению форм, служащих обоснованием власти, обоснованием, вне которого нет ни государственной, ни вообще правовой власти, просим читателя непрерывно иметь в виду, что рациональная сущность тех или иных форм всегда предполагает иррациональную, создающую возможность для действия этих форм материю. Принципы разума в своем действии в конкретной действительности, должны так или иначе сочетаться с нею, жить одной с этой действительностью жизнью.

II.

Общественная власть.

Сущность общественной власти состоит в том, что поведение людей урегулировано через подчинение его определенным принципам. Общественная власть есть урегулированное, организованное, господство одних людей над другими.

Каким образом достигается это господство общих начал над конкретными действиями? Несомненно, через деятельность отдельных людей, сознание которых проникается общими принципами и становится их волей, которые способны так или иначе внушить эти принципы другим людям или непосредственно подчинить их волю действию тех или иных принципов. Первоначальное конкретное бытие регулирующих принципов—сознание отдельных людей, но в составе этого сознания заключены некоторые общие цели. Из сознания отдельной конкретной личности принципы эти, эти идеальные цели, переходят о внешний мир, в человеческое поведение, приобретающее, благодаря подчи-

нению „общественной воле“, общим целям, организованный характер. Подчинение человеческого поведения указанным принципам происходит через подчинение их определенным правилам поведения,—общественным нравам, обычаям, морали, положительному праву, каковые правила в указанном именно смысле и могут быть названы выражением общественной воли. Так создается подчинение людей религиозным, моральным и правовым требованиям. Так создается и то, что носит название общественных нравов.

В зависимости от характера регулирующих принципов-поведение людей может иметь большую или меньшую организованность. В том случае, если эти принципы не достигают достаточной степени общности, имеет слабую устойчивость и общность поведения. Можно утверждать, что если в соединении человеческом не действуют начала права и морали, то соединение это не способно приобрести свойства, необходимые для осуществления хоть сколько-нибудь сложных задач. По крайней мере те человеческие союзы, которые рассматриваются обычно, как образцы общественных соединений людей (семья, церковь, государство и т. п.) проникнуты именно этими организационными началами.

Организующие поведение людей общие принципы способны оказывать свое воздействие как на сознание властвующих, так и на сознание подвластных. И те, и другие, подчиняя свои желания этим принципам, организуют свое сознание, приобретают волю. Принципы эти воспринимаются из поколения в поколение, при чем, однако, в каждый отдельный исторический момент необходимо приспособлять их к стоящим перед людьми задачам соответственно тем условиям и той обстановке, в которых задачи ставятся и осуществляются. Это достигается через формулировку правил поведения (законов и пр.) и через отдельные, в пределах общих правил совершаемые, действия (юридические сделки публичного и частного права). Вся совокупность общих норм и юридических действий представляет собой, таким образом, ни что иное, как внешнее выражение господства над человеческим поведением некоторых общих начал. Сказанным, очевидно, не отрицаются факты взаимных воздействий, которые в общежитии оказывают друг на друга люди. Несомненно, что не только властвующие оказывают влияние на подвластных, но и эти последние на первых. Решающее значение при определении существа общественной власти имеют, однако, все же не „Wechselwirksamkeit“ одних на других или, точнее, не только это, но и способность членов общежития воспринять определенные общие начала и организовать свою жизнь в согласии с ними, т. е. наличность у членов общения *волевых* способностей. Разумеется, что главная роль по части формулировки и проведения выпадает все же на властвующих, которые, однако, не находят соответствующих принципов готовыми в своих головах, но воспринимают их из культурных запасов окружающей их общественной среды. Нельзя не отметить той огромной организующей роли, которая в действительности и принадлежит культуре, во всех ее областях,—в науке, искусстве, религии и. т. п. Здесь главным образом и создаются организующие общественную жизнь принципы, здесь выковываются начала, господствующие затем над поведением человеческой массы. Отсюда

заимствуют их как правящие, так и управляемые. Здесь именно и черпается материал для политической и всякой иной идеологии. В периоды резких перемен в общественном устройстве, в дни революционных и реставрационных переворотов, люди ищут новых организационных принципов для устройства жизни своей на новых началах и в этих случаях значение их становится для всякого очевидным, тогда как в более спокойные эпохи воздействие этих начал имеет менее заметный характер. В одних случаях влияние общих идей может быть явно наблюдаемо всяким и всяким же ощущается их необходимость, в других случаях оно происходит в глубинах сознания отдельных людей, обращая на себя мало внимания со стороны всего остального общества. Но так или иначе общество обратилось бы в ничто, если бы в его составе не было членов, постоянно занятых поисками в мире идеального. Руководимые лишь исключительно своими страстями и интересами, лишенные всяких организационных сдержек, безидейные, чуждые стремлениям к вечной истине, красоте и добру, словом,—действию одной лишь стихии подверженные, безвольные, люди способны бы были лишь ко взаимному истреблению, но никоим образом—не к положительному на благо, как частное, так и общее, творчеству.

Мы видим, следовательно, что не только суб'ективные намерения людей, но и вырабатываемые ими в стремлении приблизить себя к добру, истине, красоте, общие, и в этом смысле—об'ективные, принципы имеют для человеческой жизни реальное значение. Через посредство общих начал, формулировка которых достигается во имя приближения к об'ективной правде, „небо“ управляет и всегда будет управлять „землею“. Если из содержания этих начал, как рождающихся в человеческом сознании, и действительно никогда не удастся полностью истребить всякую суб'ективную обусловленность, то безконечное стремление к об'ективно истинному, об'ективно доброму и прекрасному, также никогда не может быть истребленным из человеческого сознания. Безконечное стремление является, однако, залогом все новых и новых в этой области достижений.

Вернемся, однако, к проблеме власти. Определив сущность общественной власти, как организованного, согласно тем или иным общим началам, господства одних людей над другими, мы стоим теперь перед новой проблемой. Не всякое организованное господство есть вместе с тем *правовое* господство. Мы знаем, однако, что люди должны жить в правовой связи друг с другом. Перед нами возникает, таким образом, проблема о том, в чем же состоит сущность правовой власти.

III.

Правовая власть.

Правовая власть есть власть, урегулированная по началу самоцельности человеческой личности, т. е. по началу суб'екта права и юридического отношения. [1]) *Правовая власть есть власть правовой воли, которая может быть присуща как властвующему, так и подвластному.*

[1]) См. мою Философию права, I, гл. 2.

Всякое правовое господство есть с этой точки зрения не фактическое господство просто, но правовым образом *обоснованное* господство. Отсюда, однако, не вытекает, чтобы правовая власть не была вместе с тем властью сильнейшего. Организующая поведение людей деятельность по самому своему существу есть деятельность, предполагающая в том, кто ее на себя принимает наличность силы, энергии, предполагающая также поддержку (подчас и физическую) со стороны других людей. Лишь в идеале, т. е., если представить себе, что люди когда-нибудь совершенно изживут свои худшие склонности, можно мыслить правовую власть, как такую, в которой сила совсем не участвует. Мы должны, однако, исходить из данных, определяющих природу конкретного человека. Они же не дают оснований к тому, чтобы допускать возможным устранения из конкретного правового состояния всех моментов фактического свойства. Правовая власть есть всегда, прежде всего, власть. Власть отца семейства, родоначальника, императора и т. д. есть прежде всего совокупность возможностей чисто фактического порядка. Но правовая власть есть всегда вместе с тем *оправданная, обоснованная*, власть. Власть отца семейства, родоначальника, императора и пр. есть не фактическое только господство, подобное господству морского пирата, но господство, известным образом обоснованное. Именно благодаря этому обоснованию фактические возможности властвования становятся *возможностями правовыми. В тех же случаях, когда пределы господства строго определены нормами, правовое господство может быть рассматриваемо как несение властвующим некоей совокупности предоставленных ему полномочий и выполнение возложенных на него обязанностей.*

Спрашивается, однако, почему, правовое обоснование власти означает обоснование ея именно с точки зрения начала самоцельности личности (суб'екта права и юридического отношения)? Как будто история дает нам совершенно иные принципы, служившие в разные времена оправданию тех или иных форм власти! Достаточно указать, напр., на начало суверенитета. Философия права должна, однако, уметь усматривать за исторической изменчивостью отдельных принципов то общее, что в них заключено. Родовой принцип власти, теократический принцип, теория общественного договора и пр. суть, несомненно, начала, глубоко друг от друга в существе своем различающиеся. Они об'единены, однако, одной общей задачей одним общим их смыслом. Все эти принципы служат *оправданию* власти. Необходимость того или иного оправдания власти является, таким образом, предположением всех упомянутых принципов в одинаковой мере. Если, однако, необходимость этого оправдания возникает, то не провозглашено ли уже тем самым начало самоцельности личности, не провозглашено ли прирожденное право „личности, не провозглашена ли“ естественная „свобода“ каждого отдельного индивида? Совершенно несомненно, что во всех тех случаях, когда власть ищет себе обоснования в том или ином принципе (содержание его нам пока безразлично), мы имеем пред собою утверждение начала, в силу которого человек не обязан повиноваться *всякой* фактически существующей власти, всякому, кто

в данных условиях сильнее его. Принцип самоцельности человеческой личности есть, таким образом, не измышление теоретиков, но могучий регулятор всего исторического развития народов. И вера в человека и в его свободу не есть беспочвенное мечтание представителей мысли, но живой, деятельный фактор, вне учета значения которого нами не может быть понято ни настоящее наше, ни прошлое. Правовая власть, как всякая общественная власть, живет в конкретном сознании и выражается во внешнем поведении людей Идеальные цели и общие формальные начала, таким образом, оказываются остоянием человеческой воли и социальной действительности.

IV.

Государственная власть.

Мы приходим, таким образом, к определению существа государственной власти. Государственная власть есть правовое господство, установившееся в определенных пространственных пределах. В качестве правового господства государственная власть состоит из принадлежащих отдельным лицам полномочий и возложенных на них обязанностей. Государственную власть можно назвать и волей, но под волей нужно разуметь в этом случае не что иное как подчиненность сознания людей некоторой совокупности общих принципов.

Если общественная власть вообще есть организованная на основе определенных прирципов власть, то государственная власть представляет наиболее сложную и богатую форму этой организиции. Если правовая власть вообще есть власть, урегулированная согласно принципу самоцельности человеческой личности, то проведение этого регулирования в бесконечно сложных условиях, составляет особенность власти государственной. В своей правовой регулирующей деятельности государство охватывает огромные массы людей; обнимает в своей организации ряд других организованных единств (семью, церковь, различного рода союзы и проч.). В отличие от других форм правовой организации людей государственная власть есть власть, распространяющая свою деятельность *не только* в отношении к лицам, с которыми она связана персонально не только на членов государственного союза, но на *всех*, находящихся в пределах определенной территории, людей. Существенной особенностью государственной власти является, таким образом, ее так сказать территориальный характер. Эта особенность государственной организации и дает ей возможность охватывать собой наиболее широкие человеческие массы, подчинять себе деятельность других организаций, принимать на себя наиболее сложные хозяйственные и культурные задачи, многие из которых недоступны другим союзам. В связи со всей этой сложностью государственной организации, последняя представляется нередко в виде таинственной субстанции, имеющей свое особое на земле назначение, в виде особой стихии, законы коей не соразмерны с целями и задачами человека. Если вообще власть над человеком кажется нередко чем то, содержащим в основе своей некую тайну, то полной таинственности должна представлятся власть государственная, которая соче-

тает необычайную мощь власти с совершенно исключительной упорядоченностью ее действия. Неудивительно, что государство предстает пред людьми нередко как божественное, полное своеобразной загадочности, явление, а государственная власть как особая, стоящая над всем „обществом“ единая воля, имеющая по отношению к последнему свои особые духовно-нравственные задачи. Во всяком случае об'единенный в государство народ представляет собою всегда некоторое единое духовное целое, живущее единою жизнью. Единство это *подготовляется* всем культурным прошлым народа, но *создается* его правовой организацией. Последняя делает единство действительностью. Государство и есть поэтому правовое состояние.

В качестве правовой организационной системы, долженствующей охватить собой деятельность всех, находящихся в определенных территориально пределах людей, каждого в отдельности и в различных их союзных группировках, государственная власть должна обладать для того правовым верховенством и независимостью (суверенитетом) или по крайней мере известной правовой самостоятельностью (автономностью).

Исследование этих понятий мы считаем, однако, уже выходящими за пределы нашей задачи.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стр.

Предисловие III—IV

I. Реализм в юриспруденции.

§ 1. Постановка проблемы о государственной власти в новейшей русской литературе . . . . . .

§ 2. Реалистические („социологические" и „психологические") традиции в русской юридической науке . . . .

§ 3. „Общее социальное учение о государстве" Георга Іеллинека и его отражение в русской науке . . . . . .

§ 4. Реалистическое обоснование права естественного во французской и русской науке . . . . . .

§ 5. Выводы (генетическое и систематическое исследование) .

II. Факт и право.

§ 1. Постановка вопроса . . .

§ 2. Аксиоматическое решение проблемы права .

§ 3. Метафизическое решение проблемы права . . . .

§ 4. Формально-методологическое решение проблемы права . .

§ 5. Выводы (причинность и телеология) .

III. Право в об'ективном и суб'евтивном смысле.

§ 1. Приемы построения правовых понятий . . . .

§ 2. Метод решения проблем об об'ективном и суб'ективном праве

§ 3. Понятие об об'ективном праве

§ 4. Понятие суб'ективного права . . . . . .

§ 5. Выводы (позитивная юриспруденция и философия права)

IV. Понятие государства.

§ 1. Проблема о „существе государства" и об „юридической его природе" 121

§ 2. Господствующие в науке приемы построения „социального" понятия о государстве 123

стр.

§ 3. Первоначальные попытки построения понятия государства, как правового института 125

§ 4. Идея о государстве—личности в XIX столетии 130

A. Органическая теория государства . . . 132

B. Теория о государстве, как юридической личности 138

§ 5. Понятие государства 148

§ 6. Выводы (сущность государственной власти) 154

V. Власть (Общий итог).

О власти вообще 156

Общественная власть . 161

Правовая власть . 163

Государственная власть . 165